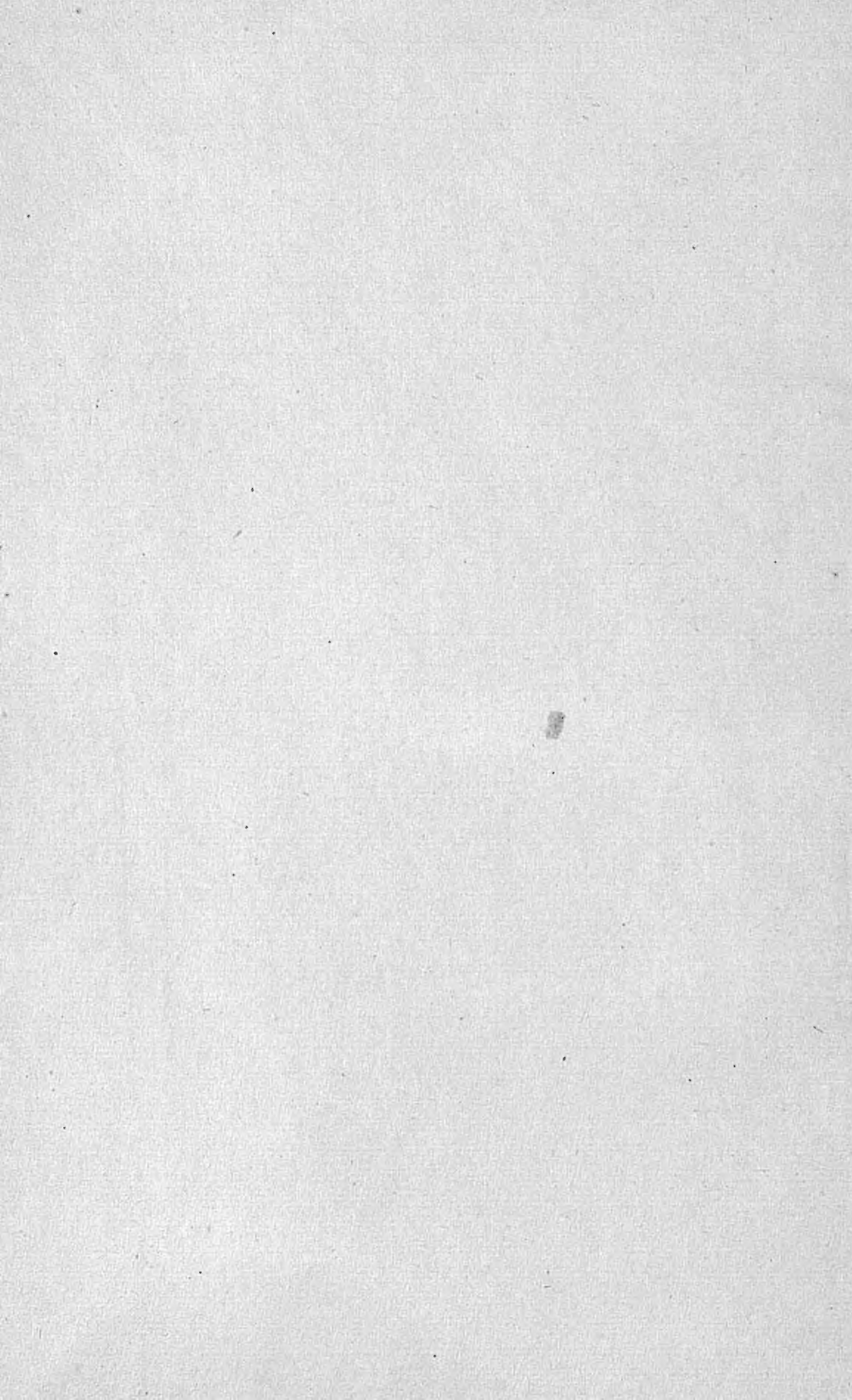

ДБ300

Г-41

К.И. Терцет
Удир. Апп.

«ОСНОВА».

Редакторъ-издатель В. Яковенко, душеприказчикъ
Ф. Павленкова.

ДБ
300
ГЧ

А. И. Герценъ.

~~~~~

Императоръ Александръ I

и

В. Н. Каразинъ.

— Цѣна 12 коп. —

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.

1906.

350
/5

(K)

ИЗДАНИЕ

Императоръ Александръ I

и

В. Н. Каразинъ. ¹⁾

Вамъ, Н. А., послѣднему нашему маркизу Позѣ, отъ
всей души посвящаю этотъ очеркъ

I.

Донъ Карлосъ.

Въ первые годы царствованія Александра I, т. е. когда уроки Лагарпа были еще въ памяти и урокъ данный монархамъ вообще въ Парижѣ и русскимъ самодержцамъ въ особенности въ Михайловскомъ дворцѣ,

¹⁾ Въ моей первой юности я видалъ раза два-три *Василія Назардовича Каразина*, помню, что мой отецъ рассказывалъ объ его письмѣ къ Александру I, объ его близости къ нему и о быстромъ паденіи. Въ 1860 году я прочелъ замѣчательную жизнь этого челоѣка въ «Сѣверной Пчелѣ». Въ порывистой, многосторонней, исполненной инициативы дѣятельности Каразина все захватывало вниманіе, всего больше то, чего въ «Сѣверной Пчелѣ» не было, т. е., что осталось по ту сторону цензурныхъ колодокъ. Случайно досталъ я письмо Каразина къ императору (оно было напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1810) и нѣсколько другихъ бумагъ. Сначала я думалъ только напечатать это письмо, въ дополненіе упомянутой статьи. Потомъ мнѣ захотѣлось, по поводу отношеній Александра I къ Каразину, высказать нѣсколько общихъ замѣчаній,—я это и сдѣлалъ. Ни статья «Сѣверной Пчелы», ни эти замѣчанія, далеко не составляютъ біографіи В. Н. Каразина. Это только матеріалы для нея, я съ своей стороны почти не касался до жизнеописанія Каразина, мнѣ хотѣлось только загрузнтовать фонд и набросить обстановку, въ которой выступаетъ его фигура.

Эта статья была напечатана въ *Пол. Зв. Т. VII стр. 7.*

не были забыты, — у императора Александра I бывали литературные вечера, на нихъ приглашались нѣсколько близкихъ лицъ къ государю, особенно извѣстныхъ за грамотныхъ.

Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, чтеніе длилось долго; читали новую трагедію Шиллера.

Чтецъ кончилъ и остановился.

Государь молчалъ, потупя взглядъ. Можетъ, онъ думалъ о своей судьбѣ, которая такъ близко прошла къ судьбѣ Донъ Карлоса, можетъ, о судьбѣ своего Филиппа? Нѣсколько минутъ продолжалась совершенная тишина, первый перервалъ ее князь Александръ Николаевичъ Голицынъ; наклоня голову къ уху графа Виктора Павловича Кочубея, онъ сказалъ ему впол-слуха, но такъ, чтобъ всѣ слышали:

— У насъ есть свой маркизъ Поза!

Кочубей усмѣхнулся и кивнулъ ему головой. Глаза всѣхъ обернулись на человѣка лѣтъ тридцати, сидѣвшаго поодаль.

Императоръ вздрогнулъ, посмотрѣлъ на окружавшихъ, остановилъ недовѣрчивый, пытливый взглядъ на человѣкѣ, сдѣлавшемся предметомъ общаго вниманія, наморщилъ брови, всталъ мрачный и недовольный, откланялся гостямъ и вышелъ.

Князь Александръ Николаевичъ улыбался; будущій министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, инквизиторъ и масонъ, покровитель Магницкаго и Рунича, начальникъ библейскаго общества и почтоваго вѣдомства, другъ императора Александра, который безжалостно пожертвовалъ его Аракчееву, другъ императора Николая, который не поручилъ ему никогда ничего дѣльнаго, былъ доволенъ. Зная подозрительный характеръ Александра, онъ былъ увѣренъ, что слово его взойдетъ, — и не ошибся. Почему онъ вредилъ этому человѣку, этого онъ не зналъ, это лежало въ его натурѣ цар-

дворца; на всякій случай не мѣшало устранить лишняго человѣка.

Безъ сомнѣнія, на ту минуту, изъ всѣхъ бывшихъ на чтеніи только двое искренно и пламенно желали добра Россіи,—государь и В. Н. Каразинъ, названный маркизомъ Позой.

Эти двѣ личности—одна «вѣнчанная и превознесенная» въ Успенскомъ соборѣ митрополитомъ Платономъ, сокрушившая Наполеона и сокрушившаяся подъ бременемъ славы и безвыходнаго, безпомощнаго самодержавія, и другая личность неутомимаго работника на общую пользу, бравшаяся за все и за все съ необыкновенной энергіей, толкавшася во всѣ двери и встрѣтившаго вездѣ отпоръ, препятствія и невозможность въ этой средѣ произвести что нибудь путное,—эти двѣ личности бросаютъ два печальныхъ луча на гладко подмерзнувшія тундры петровской Россіи, въ которыхъ затирались, затираются энергія и воля, таланты и силы, пропадая безъ вѣсти въ болотныхъ топяхъ, какъ сваи, на которыхъ построенъ Петербургъ.

Характеръ императора Александра I мало выясненъ. Наши историки не могли о немъ писать, иностранные не могли и не могутъ понять, въ чемъ его трагическій *смыслъ*. Этого равно не объясняютъ, ни его царское достоинство, ни его личные несчастія; онъ же совсѣмъ напротивъ, былъ необыкновенно счастливъ, какъ царь, счастливъ даже послѣ смерти. Нельзя быть рельефнѣе поставлену въ исторіи, какъ онъ. Наслѣднику Павла только и недоставало имѣть преемникомъ Николая. Между гатчинскимъ тигромъ, котораго пришибли, какъ бѣшеннаго звѣря, и застегнутымъ на всѣ пуговицы удавомъ, душившимъ тридцать лѣтъ Россію, — сутуловатая фигура императора Александра вырѣзывается какъ-то человѣчественно и кротко, то освѣщенная заревомъ Москвы, то озаренная парижскими площадями,

то удерживающая руку нѣмецкихъ владѣтельныхъ во-
ришекъ, то останавливающая дикую месть побѣдите-
лей, дорвавшихся до непріятельской столицы.

И эта фигура Агамемнона, примирителя Европы, на вершинѣ своего величія, становится смутнѣе, ви-
димо тускнеть, стирается за страшной тѣнію Аракчеева, и пропадаетъ одиноко на берегахъ Чернаго моря, пода-
вая руку поздняго примиренія женщинѣ, которой вся
жизнь, прикрытая императорской багряницей, была
однимъ оскорбленіемъ, и которая одиноко, колѣнопре-
клоненная передъ умирающимъ, закрыла его глаза и
пережила его.

Every inch, «каждый вершокъ», потрясающая тра-
гедія.

Не думайте искать отгадки въ смерти Павла, она
могла прибавить еще черную нитку въ его жизни, но
fond дальше, обширнѣе, глубже. Какая-то неумолимая,
роковая стихія обнимаетъ ее и далеко перехватываетъ.
Въ этой средѣ чуетъ злоѣщее вѣяніе, присутствіе
преступленія, не совершившагося, не прошедшаго, а
преступленія *продолжающагося*, невольнаго: оно бро-
дитъ въ крови, имъ пропитаны стѣны. Кровь от-
равлена въ жилахъ до рожденія, воздухъ, которымъ
тутъ дышатъ люди, тлетворенъ, каждый вступающій
вовлеченъ, хочетъ онъ или нѣтъ, въ омутъ нелѣпости,
гибели, грѣха. Пути ко всему злему раскрыты во всю
ширь. Добро невозможно. Горе тому, кто остановится
и подумаетъ, кто спроситъ себя, что онъ дѣлаетъ, что
дѣлаютъ вокругъ него, — онъ сойдетъ съ ума; горе тому,
кто въ этихъ стѣнахъ допуститъ человѣческое чувство
въ своемъ сердцѣ, — онъ сломится въ борьбѣ.

Вотъ это-то останавливавшееся лицо, въ рядѣ рус-
скихъ вѣнценосцевъ послѣ Петра, и былъ императоръ
Александръ I. Оттого-то онъ и есть единственный на-
казанный изъ всѣхъ Романовыхъ, наказанный чело-

вѣчески, внутренней борьбою, наказанный прежде вины, *но доросшій до нея* вполсѣдствіи.

Сравните его судьбу съ судьбой Петра III, Павла, пожалуй Николая, и вы поймете, почему именно этотъ человѣкъ, названный «благословеннымъ», умершій на своей кровати, и притомъ никѣмъ не побѣжденный, гораздо больше трагическое лицо, чѣмъ всѣ его предшественники. Что трагическаго въ томъ, что пьянаго идиота убила и обобрала развратная женщина; это случается сплошь да рядомъ въ закопѣлыхъ домахъ темныхъ лондонскихъ переулковъ; или въ томъ, что человѣкъ, обороняясь отъ сумашедшаго, хватилъ его табакеркой въ високъ, а другіе покончили его. Это не трагическія катастрофы, а дѣла уголовной палаты и смиренныхъ домовъ.

Трагическій элементъ не опредѣляется ни болью, ни синими пятнами, ни кулачной борьбой; а тѣми внутренними столкновеніями, независимыми отъ воли, противорѣчащими уму, съ которыми человѣкъ борется, а одолѣть ихъ не можетъ, — напротивъ, почти всегда уступаетъ имъ, измочалившись о гранитные берега неразрѣшимыхъ повидимому антиномій. Для того, чтобъ такъ разбиться, надобно извѣстную степень человѣческаго развитія, своего рода помазаніе. Есть натуры до того будничныя, до того рутинныя, до того узкія и посредственныя, что ихъ счастье и несчастье пошло, по крайней мѣрѣ, не интересно. Въ холодныхъ глазахъ, въ прозѣ военно-учебнаго самовластія Николая, въ его ограниченномъ взглядѣ, постоянно обращенномъ на мелочи и подробности, въ его субалтерной точности и пристрастіи къ прямымъ линіямъ, къ геометрическимъ фигурамъ, лежитъ исключеніе всего поэтическаго. Напрасно изъ послѣднихъ дней его хотятъ сдѣлать что-то величаво-мрачное. Человѣкъ этотъ не останавливался ни на чемъ, не сомнѣвался ни въ чемъ,

на него не находило раздумье, у него не было раскаянія, не было идеаловъ, онъ зналъ, что царствуетъ по волѣ божіей, что должность императора—военная, и былъ совершенно доволенъ собою; онъ не подозрѣвалъ, что нравственная жизнь государства понизилась имъ, что онъ, кругомъ сомкнутый и обворованный, поставилъ Россію на край пропасти. Узнавши послѣднее, онъ съ досадою увидѣлъ, что не доросъ даже до того, чтобъ совладать съ первой неудачей, и тотчасъ умеръ отъ безсильной злобы. Это урокъ, примѣръ, угроза, но не трагедія. Въ противномъ случаѣ можно сдѣлать трагическій типъ не только изъ всякаго наказаннаго разбойника, но даже изъ желчеваго труса Аракчеева, умирающаго въ Грузинѣ, всѣми ненавидимаго и оставленнаго, у окаянной могилы, облитой кровью цѣлой дворни.

Не таковъ былъ императоръ Александръ. Императрица Екатерина, сосредоточивая на немъ династическій интересъ и то материнское чувство, которое она никогда не имѣла къ своему сыну, дала ему очень человѣческое воспитаніе и, какъ это бываетъ съ старыми грѣшниками, воспитывала его въ невѣдѣніи того, что дѣлалось вокругъ. Александръ былъ мечтатель, юноша съ романтическими идеями, съ той неопредѣленной филантропіей, которая тогда была въ ходу и составляла какъ бы сѣверное сіяніе, или холодный и мерцающій отблескъ иной болѣе горячей филантропіи, которая проповѣдывалась тогда въ Парижѣ. Но со всѣмъ тѣмъ, его воспитаніе кончилось рано, и онъ съ Лагарпомъ въ головѣ является на царскій помостъ, окруженный сѣдымъ, догнивающимъ развратомъ послѣднихъ лѣтъ екатерининской эпохи.

... «Я отнюдь недоволенъ своимъ положеніемъ», пишетъ великій князь В. П. Кочубею, 10 мая 1796 г., т. е. 18 лѣтъ отъ роду ¹⁾. «Я чрезвычайно радъ, что

---

¹⁾ Корфъ, восшествіе Николая стр. 228—229.

рѣчь объ этомъ зашла сама собою, безъ чего очень затруднился бы завести ее. Да, милый другъ, повторяю снова: мое положеніе меня вовсе не удовлетворяетъ. Оно слишкомъ блистательно для моего характера, которому нравится исключительно тишина и спокойствіе. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на придворную сцену и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу для полученія вѣшнихъ отличій, не стоящихъ, въ моихъ глазахъ, мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не *желалъ бы имѣть у себя и лакеями*; а, между тѣмъ, они занимаютъ здѣсь высшія мѣста, какъ напр. З....., П....., Б....., оба С....., М..... и множество другихъ, которыхъ не стоить даже называть и которые, будучи надменны съ нисшими, пресмыкаются передъ тѣмъ, кого боятся. Однимъ словомъ, мой любезный другъ, я сознаю, что не рожденъ для того высокаго сана, который ношу теперь, и еще менѣе для предназначеннаго мнѣ въ будущемъ, отъ котораго я далъ себѣ клятву отказаться тѣмъ или другимъ образомъ.

«Вотъ, любезный другъ, важная тайна, которую я уже давно хотѣлъ передать вамъ; считаю излишнимъ просить васъ не сообщать о ней никому, потому что вы сами поймете, какъ дорого я могъ бы за нее заплатить. Я просилъ Г. Гаррика сжечь это письмо, если бы ему не удалось лично вамъ его вручить, и никому не передавать для доставленія его къ вамъ.

«Я обсудилъ этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ. Надобно вамъ сказать, что первая мысль о немъ родилась у меня еще прежде, чѣмъ я съ вами познакомился и что я не замедлилъ придти къ настоящему моему рѣшенію.

«Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный

безпорядокъ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ всюду, а имперія, не смотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей возможно ли одному человѣку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправить укоренившіяся въ немъ злоупотребленія; это выше силъ не только человѣка, одареннаго, подобно мнѣ, обыкновенными способностями, но даже и генія, а я постоянно держался правила, что лучше совсѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ исполнять его дурно. Слѣдуя этому правилу, я и принялъ то рѣшеніе, о которомъ сказалъ вамъ выше. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы, по отреченіи отъ этого труднаго поприща (я не могу еще положительно назначить срокъ сего отреченія), поселиться съ женою на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно частнымъ человѣкомъ, полагая мое счастіе въ обществѣ друзей и въ изученіи природы.

«Вы вольны смѣяться надо мною и говорить, что это намѣреніе несбыточное; но подождите исполненія и уже тогда произносите приговоръ. Знаю, что вы осудите меня, но не могу поступить иначе, потому что покой совѣсти ставлю первымъ для себя закономъ, а могла ли бы она оставаться спокойною, если бы я взялся за дѣло не по моимъ силамъ. Вотъ, мой милый другъ, что я такъ давно желалъ сообщить вамъ. Теперь, когда все высказано, мнѣ только остается увѣрить васъ, что гдѣ бы я ни былъ, счастливымъ или несчастнымъ, богатымъ или бѣднымъ, ваша дружба ко мнѣ будетъ всегда однимъ изъ величайшихъ для меня утѣшеній; моя же къ вамъ, вѣрьте, кончится только съ жизнію».

Екатерина умерла. Павелъ свезъ въ трескучій морозъ тѣло Петра III въ Петропавловскую крѣпость, *прихоронить* его покойницѣ, и заставилъ графа А. Орлова и Бяратинскаго нести его корону. Александръ

еще ближе подвинулся къ вершинѣ, окруженной тѣмъ гноемъ, о которомъ онъ писалъ. Но тамъ все ужъ измѣнилось одною смертію, все стало еще сквернѣе, только въ другомъ родѣ. Жалѣть пришлось ему сановниковъ, которыхъ онъ не хотѣлъ «имѣть лакеями». Избалованная, пресыщенная дворня старой барыни замѣнилась каптенармусами и камердинерами наследника, которые внесли во дворецъ казарму и переднюю. На мѣсто надменныхъ дворецкихъ воровъ явились воры доносчики, на мѣсто лакеевъ — палачи; дворецъ изъ публичнаго дома сталъ застѣнкомъ. Развратъ чувственный смѣнился развратомъ свирѣпости, боли, заколачиванія.

Тревожно и грустно стоялъ цесаревичъ, подавленный ужасомъ, у подножія дикаго трона; безсильный помочь и лишенный возможности отойти, Александръ, какъ Гамлетъ, бродилъ по этимъ заламъ, не умѣя ни на что рѣшиться; другіе рѣшились за него.

Также тревожно и грустно, да и еще къ тому жъ съ чернымъ пятномъ на совѣсти, взошелъ онъ самъ на вершину страшной скалы, съ которой только-что сбросили обезображенный трупъ убитаго отца его. Онъ хотѣлъ добра и ему вѣрили. На его юныя и кроткія черты смотрѣли съ упованіемъ; уповалъ и онъ, что сдѣлаетъ изъ Россіи рай; онъ ей отдастъ лучшіе годы, лучшія силы, народъ благословитъ его, онъ замолитъ грѣхъ своего участія въ кровавомъ дѣлѣ, и тогда, Траянъ и Маркъ-Аврелій, онъ исполнитъ писанное къ Кочубею и пропадетъ въ виноградныхъ садахъ на берегахъ Рейна¹⁾).

Александръ былъ откровененъ въ этихъ мечтахъ, онъ имъ вѣрилъ, и не онъ одинъ, имъ вѣрила вся Россія, т. е. Россія *порядочныхъ людей*, Россія, признанная людскою; до *черной Руси*, до Руси податной, это

---

¹⁾ Мечта объ отреченіи занимала его до самой смерти.

не касалось; она и тутъ, какъ вообще на торжествахъ и праздникахъ, была исключена изъ общей радости, да и сама не старалась принять въ ней участіе, вспоминая матушку императрицу и словно чуя, что новое царствованіе за кровь десятаго человѣка заплатить военными поселеніями.

Легко было начать новую эпоху, опираясь на такую любовь, на такую вѣру, на такую радость о смерти злодѣя...

Теперь дай человѣка мнѣ, создатель...

Ты много далъ мнѣ: только человѣка

Ты дай теперь мнѣ...

Молю тебя о другѣ; я не такъ,

Какъ ты, всевѣдущъ. Слуги, мнѣ тобою

Посланные, самъ вѣдаешь, какіе

Они мнѣ слуги. Изъ-за денегъ только

Они мнѣ служатъ.

Мнѣ правды надо...

Прошло дней десять послѣ смерти Павла. Во дворцѣ былъ большой пріемъ; радостныя лица, одѣтыя въ глубокой трауръ, входили, выходили, низко кланялись, повторяли раболѣпныя фразы. Застѣнчивый Александръ, мало привыкнувшій къ этой работѣ и къ этой роли бога, передъ которымъ все падаетъ, на котораго все уповаешь, утомленный, взошелъ послѣ пріема въ свой кабинетъ и бросился на кресло передъ своимъ рабочимъ столомъ. На его столѣ, въ его кабинетѣ, въ который никто не смѣлъ входить, лежало толстое письмо... запечатанное и подписанное ему.

Онъ сорвалъ печать и развернулъ письмо; по мѣрѣ чтенія, глаза его наполнялись слезами, щеки горѣли; онъ положилъ письмо и крупныя слезы продолжали катиться по его щекамъ. Ихъ видѣли графъ Паленъ и Трощинскій. «Господа, сказалъ имъ государь, неизвѣстный человѣкъ положилъ на мой столъ это письмо; оно безъ подписи, сыщите мнѣ непременно, кто его писалъ».

II.

П и с ь м о.

Вотъ что прочелъ императоръ:

«Какимъ прекраснымъ днемъ началось Твое царствованіе! Казалось намъ, что сама природа въ восторгѣ встрѣтила Тебя! ¹⁾ Александръ, любимецъ сердецъ нашихъ! Десятый день уже освящаетъ весеннее солнце Твоихъ, надеждами исполненныхъ подданныхъ, и день отъ дня, часъ отъ часу Ты болѣе оправдываешь сіи надежды. Какая лестная будущность ожидаетъ насъ!

Въ сіе время всеобщаго восторга кто пощадилъ бы жизнь свою на защищеніе Твое? Но ты въ немъ не имѣешь нужды... Прости жъ, если, искавъ принести Тебѣ дань, я дерзновенною рукою начертаю нѣкоторыя истины, я, удаленный отъ двора Твоего и упованія наградъ, одинъ изъ безвѣстнѣйшихъ россіянъ. Прости, прости меня за неважную сію жертву, но жертву сердечную; прійми ее засвидѣтельствомъ довѣренности къ Твоимъ добродѣтелямъ, знакомъ *истинной подданнической* любви. Безъ сомнѣнія, все, что я ни скажу Тебѣ, болѣе или менѣе впечатлѣно уже въ Твоей благородной душѣ, или извѣстно въ сонмѣ мужей мудрыхъ, которыми Ты окружаешь Себя. Но эта мысль не могла меня удержать повергнуть *лепту вдовы въ сокровищницу*, такъ точно, какъ самое блистательное понятіе о славѣ Твоей никогда не удержитъ меня отъ рвенія распространять ее во всякомъ для меня приступномъ кругу моею хвалою...

Государь! Ты царствуешь надъ сорокью милліонами человѣкъ, искони пріобыкшихъ безпредѣльно чтить

---

¹⁾ Случилось, что 11 марта 1801 года въ Петербургѣ былъ самый непріятный зимній день; 12-го же, напротивъ, погода сдѣлалась тихая, теплая и ясная, какъ будто весна вдругъ наступила.

власть, въ которой они не могутъ представить себѣ блаженства. Одного взора ихъ царей часто довольно, чтобы разлить повсемѣстную радость, и, конечно, одного велѣнія, чтобъ устроить счастье, какимъ только можетъ человѣкъ наслаждаться на землѣ...

Имперія, которая своимъ называть Тебя будетъ, не обыкновенное государство. Ей нѣтъ подобной не только въ нынѣшнемъ состояніи Европы и прочихъ частей свѣта, но, можетъ быть, и въ лѣтописяхъ вѣковъ прошедшихъ. Она заключаетъ въ себѣ десять климатовъ, обитаемыхъ народомъ большею частію единого языка и единой вѣры. Она отъ сѣвера до юга и отъ запада къ востоку изобилуетъ въ количествѣ и родѣ безчисленными благами, замѣняющими себя взаимно, которыя даютъ возможность поставить всѣ ея сношенія съ чужими странами въ совершенной независимости. Она имѣетъ и пространнѣйшія земли для воздѣлыванія большею частію *ей одной свойственныхъ* произведеній и надежныя руки сыновъ своихъ для искусственного ихъ обработыванія. Посему богатства ея, не на случайныхъ причинахъ, но на природѣ основанныя, должны возрастать съ самимъ временемъ. Она представляетъ такъ сказать подобіе рудника, открытаго при поверхности земли, котораго изобиліе постепенно обнаруживается по мѣрѣ его углубленія. Она изобилуетъ рѣками, которыя, изъ ея средины изливаясь въ пять морей, ожидаютъ только попечительной руки правительства, чтобъ соединить ихъ всѣхъ, чтобы сообщать руководѣлія Европы Азіи и азіатскія богатства Европѣ *кратчайшими путями*. Она граничитъ въ наибольшей части съ Ледовитымъ Океаномъ или странами столько же неприступными, какъ и онъ; въ остальной же части имѣетъ сосѣдей, привыкшихъ почитать русское могущество. Что могу сказать Тебѣ, Государь, новаго о гражданскихъ добродѣтеляхъ Твоего народа, который среди временъ грубѣйшаго невѣжества

обращалъ уже на себя вниманіе? народа, въ *нынѣш-*
немъ состояніи нравственнаго міра, едва-ль не менѣе
всѣхъ прочихъ народовъ поврежденнаго?... Напомню
только одну изъ этихъ добродѣтелей, обезпечивающую
незыблемость Отечества. Пожертвованіе жизни за него
всегда и вездѣ почитаемо было достойнымъ вѣчныхъ
похвалъ; но сіе жертвованіе, безъ всякихъ видовъ
славы, утѣшительницы умирающихъ героевъ, сіе ве-
λικое самоотреченіе свойственно рѣдкимъ лишь ду-
шамъ, и россійскіе ратники способны къ нему болѣе
всѣхъ древнихъ и новыхъ воиновъ. Рѣшительный вое-
начальникъ идетъ на смерть: я почитаю его; но вижу,
что слава, которая изъ-за предѣловъ гроба простираетъ
къ нему свой лавръ, наполняетъ его воображеніе уди-
вленіемъ соотечественниковъ и потомства, что сія
слава смягчаетъ ужасы смерти. Честолюбіе, желаніе
пріобрѣсть блестящее отличіе упоетъ его. Самая не-
обходимость дѣйствовать соотвѣтственно званію, къ
которому онъ принадлежитъ, влечетъ его впередъ. Но
простой солдатъ, который не мечтаетъ о лаврахъ, не
имѣетъ предразсудковъ благородства, заставляющихъ
отличаться, не ожидаетъ награды; солдатъ, котораго
участъ не перемѣняется послѣ двадцати выигранныхъ
сраженій и который, не думая о свидѣтеляхъ, о потом-
ствѣ, объ исторіи, умираетъ *весь*, у котораго священ-
ный долгъ есть единое побужденіе, для меня прямо ве-
ликій герой! Таковъ россійскій солдатъ, и такихъ имѣ-
ешь Ты сотни тысячъ!...

Время образовало человѣческую премудрость; время,
усовершенствовавъ все, предуготовляетъ законодателю способъ
быть благотворителемъ человѣчества. Еслибъ Екате-
рина, еслибъ Маркъ-Аврелій сами жили въ желѣзномъ
вѣкѣ царствованія Ивана Васильевича, когда вся Ев-
ропа покрыта еще была тьмою суевѣрія, подавляема
своеволіемъ феодализма, много ли бы они могли сдѣ-

латъ въ пользу своихъ подданныхъ? Предположивъ, что они изъ собственного сердца, созданнаго для блага человѣковъ, изъ собственного всеобъемлющаго разума извлекли бы законы; предположивъ, что они нашли бы возможность въ одно время и сильно дѣйствовать, и глубоко размышлять, проникать безъ всякихъ предварительныхъ познаній въ составъ обществъ, въ сердца людей, гдѣ взяли бы они достойныхъ исполнителей своего плана? Ни люди, ни средства для образованія общественнаго не были еще произведены. Въ наши дни, Государь, наука законодательства вмѣстѣ съ прочими науками, вмѣстѣ съ общими успѣхами разума необходимо усовершенная, представить Тебѣ въ твореніяхъ величайшихъ умовъ тысячу новыхъ идей, которыя, объаты бывъ благодѣтельнымъ Твоимъ духомъ, искушены, подобно какъ злато искушается огнемъ, религіозностію Твоихъ чувствованій, могутъ положиться въ основаніе счастія Россіянъ. Велика заслуга мудреца, многотрудно открывающаго истину; но тотъ, кто силу, данную ему отъ небесъ, обратитъ на дѣйствительныя приложенія сей истины, достоинъ алтарей! Онъ—Богъ, собирающій носимые бесполезно по воздуху пары въ благотворный дождь, который даетъ плодоносіе долинамъ и воды рѣкамъ, орошающимъ ихъ. Ежели земные владыки могутъ назваться подобіемъ великаго, непостижимаго существа, создавшаго милліоны міровъ, то, конечно, тогда только, когда они подражаютъ Его благодѣтельности...

Воззри напоследокъ на нынѣшнее состояніе Европы. Могло-ль быть когда либо время *способіе* для возведенія Твоей «Россіи на верхъ славы и блаженства», въ сходство обѣщанія Твоего? Притязанія и виды всѣхъ державъ такъ разнообразны, такъ противоположены другъ другу, что Ты никогда не можешь быть въ необходимости принять оружіе, если Самъ будешь имѣть

миролюбивыя намѣренія, если суетныя хвалы умовъ праздныхъ (*такъ называемая* слава завоевателей) никогда отъ Тебя не удостоятся быть взвѣшиваемы на ряду съ благословеніями тысячей и темъ челоѣковъ, которыхъ судьба отъ Тебя зависить. Французскій переворотъ, столь гибельный самъ по себѣ, поколебавшій столько правленій, не только не сдѣлалъ вреда Россіи; въ которую его начала не могли проникнуть, но припесъ ей еще оцутительную выгоду, отвративши, во-первыхъ, завистливое вниманіе державъ въ самое критическое для нея время и потомъ, новымъ расположеніемъ связей ихъ, уволивши нашъ дворъ отъ необходимости пристать къ той или другой сторонѣ, которыя обѣ теперь, почивтая соучастіе наше рѣшительнымъ, должны наперерывъ искать нашего благорасположенія. Россія вышла, чрезъ неожиданное это стеченіе обстоятельствъ, изъ всегдашней (со времени Петра Великаго) скрытой войны со *всѣми* европейскими державами. Самую молодость ея, которая еще чрезъ цѣлое столѣтіе не могла-бъ быть забыта, революція навсегда изгладила изъ памяти.

Въ семъ состояніи дѣлъ внутренніе и виѣшніе долги государства Твоего не важны, судя по великости источниковъ Твоихъ доходовъ, кои не расточены еще столько, чтобъ простымъ отмѣненіемъ нѣкоторыхъ предположенныхъ издержекъ не можно было вывести казну въ нѣсколько мѣсяцевъ изъ всякаго затрудненія.

Таковы средства, Государь, которыми Ты имѣешь быть великимъ, счастливѣйшимъ монархомъ, среди счастливѣйшаго народа на землѣ...

Ночью, проходя мимо чертоговъ Твоихъ, я представлялъ себѣ сію картину благословеннаго Твоего политическаго положенія, и размышлялъ, каковы будутъ пути Твой?

Неужели захочетъ Онъ, говорилъ я самъ себѣ, про-

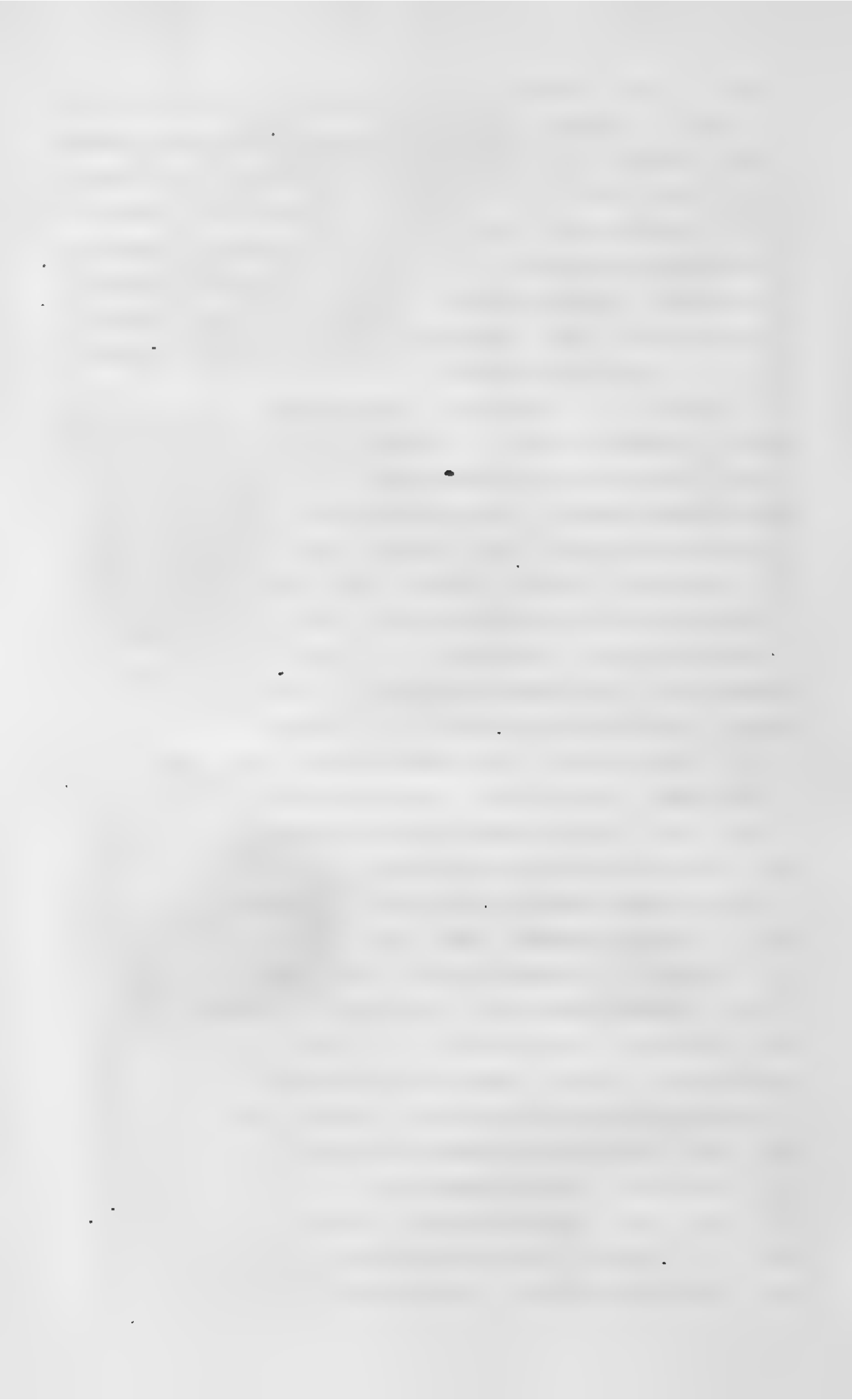

извольно разстроить рѣдкое согласіе неба и земли въ Его пользу и благотворное предуготовленіе цѣлаго полѣвка оставить безъ исполненія? Неужели Онъ, созданному для душъ обыкновенныхъ, удовольствію самовластія хладнокровно пожертвуетъ надеждою народовъ, безсмертною славою и тою наградою, которая по долговременной, безмятежной, семейственныхъ радостей исполненной жизни, ожидаетъ добродѣтельныхъ монарховъ въ странѣ блаженства?

Нѣтъ! Онъ раскроетъ напоследокъ великую ту книгу судьбы нашей и нашихъ потомковъ, которую лишь указалъ перстъ Екатерины. Онъ дастъ намъ непреложные законы. Клятвою многочисленныхъ племенъ своихъ подданныхъ утвердитъ Онъ ихъ въ роды родовъ. Онъ скажетъ Россіи: «Вотъ предѣлъ самодержавія Моего и Моихъ наслѣдниковъ нерушимый во вѣки!..» И Россія войдетъ, наконецъ, въ число державъ монархическихъ, и желѣзный своенравія скипетръ не можетъ сокрушить скрижалей ся завѣта.

Въ этомъ будетъ Онъ дѣйствовать медленно, какъ дѣйствуетъ природа въ таинственныхъ путяхъ, отъ Творца ей уготованныхъ. Онъ призоветъ въ помощь свою вѣчный разумъ, имѣющій озарить Его душу; имъ руководствуясь, обозрѣтъ Онъ весь составъ законовъ до нынѣ существующихъ, дабы безъ нужды и по одной лишь любви къ новостямъ не разрушать утвержденнаго и оправданнаго уже временемъ. Именемъ Отечества истребуетъ Онъ совѣтъ у мужей мудрыхъ, счастливою для насъ судьбою поставленныхъ близъ Его, и другихъ, голосъ которыхъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ Его государства истину повѣдать Ему можетъ. *Подъ завѣсою строжайшей скромности* спроситъ Онъ ихъ; со свѣтильникомъ чистой своей совѣсти пройдетъ творенія законодателей міра, древнихъ и новыхъ: сообразитъ оныя съ обстоятельствами своего на-

рода, съ его правами, обычаями, религіею, съ мѣстнымъ его положеніемъ, съ просвѣщеніемъ истиннымъ, какое общаетъ намъ наступившій вѣкъ, послѣ жестокихъ испытаній прошедшаго... Онъ составитъ въ тайнѣ, но торжественно, предъ лицомъ внимающей вселенной издастъ Государственное Уложеніе, основу законовъ, которые сами, нечувствительно, могутъ *предварить* ся обнародованіе. Онъ повелитъ, на послѣдокъ, въ пространствѣ Россіи избрать старцевъ, достойныхъ безпредѣльнѣйшей довѣренности своихъ согражданъ; и, поставивъ ихъ внѣ сферы честолюбія и боязни, удѣлитъ имъ весь избытокъ своей власти, — да охраняютъ святая святыхъ Отечества... Онъ пріиметъ и другія мѣры, почерпнутыя изъ опыта вѣковъ, для утвержденія правъ своихъ подданныхъ. Онъ-то первый употребитъ самовластіе для обузданія самовластія; первый, кто по чистѣйшему движенію сердца пожертвуетъ челоуѣчеству собственными выгодами! И челоуѣчество, возрыдавъ отъ радости, вознесетъ кумиръ Его выше кумировъ прочихъ царей, и сонмы народовъ чуждыхъ притекутъ лобызать Его подножіе, и вкусятъ среди насъ блаженство!...

Безъ сомнѣнія, нашъ Александръ, другъ людей, вѣдастъ, что довѣренность къ правительству, утверждаемая извѣстностію *непрерывныхъ* его началъ, одна рождаетъ взаимную довѣренность гражданъ между собою, что она есть жизнь промысловъ, мать общественныхъ добродѣтелей и источникъ благоденствія...

Съ довѣренностію къ правительству на одной степені поставитъ Онъ *вѣру къ правосудію*. Безъ нихъ обѣихъ почтенныя слова: гражданинъ, отечество — суть пустые звуки на языкѣ отечественномъ!...

Онъ презритъ новыхъ лжеполитиковъ, утверждающихъ будто частныя неправды не обращаются обществу во вредъ, будто для государства «все равно какъ

ни переходить собственность изъ рукъ въ руки». Предоставивъ весь судъ *избраннымъ отъ народа*, Онъ удалить ихъ отъ соблазновъ не законами, безгласными *по необходимости*, но доставленіемъ судьямъ избыточнаго содержанія, содержанія соразмѣрнаго ихъ безкорыстію и соревнованію объ общей пользѣ. На сей же конецъ подчинить Онъ судей общественному мнѣнію. Оно всегда было болѣе безпристрастно. болѣе не умолимо, нежели высшія инстанціи, не рѣдко движимыя *одинаковыми-же* началами на вящее посрамленіе законовъ! Судъ при дверяхъ открытыхъ, право тяжущимся публиковать опредѣленія, будетъ однимъ изъ надежнѣйшихъ огражденій правосудія.

Онъ положить единожды на всегда твердое основаніе государственному достоянію: изочтетъ богатства Своихъ обширныхъ владѣній; опредѣлитъ возможность и повинности подданныхъ по неподвижному размѣру, измѣненіямъ отъ прилива и отлива *изобразительныхъ знаковъ* богатства не подверженному, и скажетъ: «Симъ обязаны вы взаимно состоянію къ состоянію; симъ обязаны относительно къ государственной сокровищницѣ; симъ, напоследокъ, располагаетъ лице Государя». Тогда однѣ чрезвычайныя, всею мудростію человѣческою непредвидимыя нужды государства останутся неопредѣленными; но на удовлетвореніе ихъ готовы коренныя, такъ сказать, *утробныя* его силы, которыя съ покоемъ *неопредѣленно-же* возрастаютъ.

Не поводы къ новымъ налогамъ везить Онъ избрѣтать для безконечнаго умноженія мнимыхъ доходовъ; но съ благоволеніемъ приметъ тѣ мѣры, кои клонятся будутъ къ уменьшенію издержекъ. И симъ *вѣрнѣйшимъ* путемъ, сопровождаемый благословеніями гражданъ, трудящихся въ потѣ лица, достигнетъ Онъ до постоянного *избытка государственнаго*, которымъ ни одна держава похвалиться еще не могла.

Онъ ограничить особливо издержки, которыя не служатъ къ пользѣ Имперіи и не возвышаютъ на самомъ дѣлѣ блеска вѣнца Его; уменьшить дворъ Свой, изженеть изъ него толпы ласкателей и прислужниковъ, безстыдно мечтающихъ, что достояніе Имперіи имъ принадлежитъ и что они преимущественное имѣютъ право на милости Государя по одному тому, что случай поставилъ ихъ близъ его особы.

Онъ ограничить суетную *любезность*: это желаніе украшать улицы и площади столицъ, когда все прочее государство *представляетъ еще безкровныя жизни*. Не художества призоветъ Онъ въ помощь для сооруженія себѣ памятниковъ; но въ премудрости Своихъ учреждений и въ любви народной найдеть ихъ; онѣ несокрушаемы временемъ и не одно удивленіе празднаго любопытства возбуждаютъ, но почтеніе всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ!

Самыя художества не будетъ Онъ покровительствовать прихотливо и внутри лишь чертоговъ Своихъ, съ условіемъ, чтобъ они платили Ему лестью; но дѣйствительно ободрить ихъ, *умноживъ ихъ общее благосостояніе* и разрѣшивъ узы ума и талантовъ.

Вообще Онъ будетъ дорожить произведеніемъ кроваваго пота подданныхъ, посвященнымъ на пользу общую; и *моральное* изыщество будетъ первѣйшимъ Его предметомъ.

Не удостойтъ онъ занять Себя подробностями и иждивать на мелочи драгоценное время, въ которое едва-едва вмѣститься могутъ *всеобщія* попеченія владѣтеля пространѣйшей имперіи въ свѣтѣ. Онъ взоромъ будетъ обнимать цѣлыя массы, дастъ правильное движеніе главнѣйшимъ колесамъ государственнаго состава, — и всѣ прочія потекутъ правильно!

Какъ совершеннѣйшіе законы останутся бесполезными въ народѣ развращенномъ и чуждыми смысла

въ народѣ невѣждѣ, то, безъ сомнѣнія; обратитъ Онъ всю Свою внимательность на *воспитаніе* Своихъ подданныхъ соотвѣтственно мѣстнымъ и личнымъ потребностямъ каждаго. Верховное попеченіе объ этомъ предоставитъ Онъ сословію *блжстителя законовъ*, а оно будетъ дѣйствовать посредствомъ людей, имѣющихъ надъ народомъ наиболѣе нравственной силы. Духовенство употребится на просвѣщеніе народа, и на сей конецъ предварительно само будетъ просвѣщено: учредятся для него гимназіи, удаленныя отъ тяжелыхъ началъ древней схоластики, и отличія предоставлятся не тѣмъ проповѣдникамъ слова Божія, которые съ поэтическимъ восторгомъ станутъ величать Государя въ городскихъ храмахъ; но тѣмъ, которые докажутъ опытами вліяніе, какое они имѣли на благоправіе своихъ наствъ; тѣмъ, которые, учредивъ училища, не лѣнностію преподавать въ нихъ будутъ чистое ученіе Христово и своимъ примѣромъ наставлятъ должностямъ человека и гражданина.

Такимъ образомъ, не жезлъ денно-нощно властію подъятый заставитъ исполнять законы; но гораздо дѣйствительнѣе собственное удостовѣреніе каждаго въ ихъ пользѣ. Такимъ образомъ законы будутъ охраняемы правами, и правы законами.

Съ другой стороны еще подѣйствуетъ Онъ на нравственность состояній, называемыхъ *послѣдними*. Онъ обезпечитъ права человечества въ *помѣщичьихъ крестьянахъ*; введетъ у нихъ собственность; поставитъ предѣлы ихъ зависимости. И сіе не закономъ, могущимъ опасно поколебать нынѣшнія общественныя связи, но постепенностію обычая, который бы укрѣпилъ оныя болѣе. Простѣйшимъ поселянамъ предоставитъ Онъ средства вкушать иногда, въ воздаяніе трудовъ своихъ, сладость жизни, не прибѣгая къ своеволію, питьямъ, чувства оглушающимъ, и другимъ по-

бужденіямъ разврата, иногда отчаянія и неключимаго рабства...

Земледѣліе распространится подъ кроткимъ Его скипетромъ. Онъ заселитъ пространныя степи Россіи мало по малу, не насильно исторгая семейства изъ домовъ ихъ и переселяя скоростижно, за цѣлыя тысячи верстъ, въ страны, по одной своей безвѣстности уже страшныя для нихъ, и дѣйствительно смертоносныя по чрезвычайному различію климатовъ, но изъ сосѣдственныхъ, населеннѣйшихъ мѣстъ, вызывая и ободряя наградами и льготою.

Безводные, но впрочемъ тучные кряжи благословенныхъ климатовъ, будетъ Онъ умѣть содѣлать обитаемыми и превратить въ цвѣтущіе сады, проводя каналы изъ сосѣдственныхъ рѣкъ, обращая въ пользу пространныя озера, или одѣвая пещерную отлогость горъ лѣсомъ. Неужели одинъ только просвѣщенный столичный имѣютъ право на подобныя симъ пздержки правительства? Неужель не обязано оно готовить жилища будущимъ родамъ и... убѣжища тѣмъ, которые отъ Запада, вѣроятно, придутъ нѣкогда пскать у насъ Отечества?...

Не толпы алчущихъ чиновниковъ поставитъ Онъ на стражѣ у лѣсовъ, сего украшенія земли и сокровищницы водъ; но благоразумнымъ распредѣленіемъ въ собственность; сохранить ихъ для госуларства. Дикія только степи и непроходимые лѣса могутъ быть помѣстьемъ казны; но должны содѣлаться собственностію частныхъ людей какъ скоро они досягаемы для трудолюбія. Горе правительствамъ, которыхъ учрежденія служатъ *только къ соблазну*, не искореняя зла въ самыхъ его основаніяхъ!...

Онъ назначитъ торжественныя награды для поселянъ, кои отличатся или рѣдкими примѣрами благопрііа, или трудолюбіемъ, изобрѣтеніемъ или введеніемъ.

новыхъ предметовъ земледѣлія или промышленности. О семъ и подобномъ тому предоставитъ Онъ судить не мѣстнымъ начальникамъ, удобообразуемымъ при-
страстіемъ или скудными государственными соображе-
ніями, но устроить временныя путешествія по Имперіи
особъ, исполненныхъ познаніями въ обзрѣваемой ча-
сти и достойныхъ представлять собственное Его око.
Самъ Онъ не рѣдко оставитъ единообразіе дворской
жизни, чтобы *на дѣль* видѣть и слышать; и управле-
ніе Богомъ ввѣреннаго Ему, прекраснаго, пространнѣй-
шаго царства не заключить въ тѣсныя предѣлы работъ
надъ подносимыми Ему бумагами.

Руководлія возбуждать Онъ станетъ не самовласт-
нымъ *внезапнымъ* запрещеніемъ ввоза иностранныхъ
произведеній (можно согласить отечественную пользу
съ миролюбіемъ къ чужимъ народамъ!); но привиле-
гіями, данными мануфактурамъ и фабрикамъ, и въ осо-
бенности снятіемъ стѣснительныхъ налоговъ, отнимаю-
щихъ охоту заводить новыя. Впрочемъ, Россія *можетъ*,
безъ малѣйшей для себя невыгоды, великодушно усту-
пить многія вѣтви промышленности и руководлій наро-
дамъ скуднымъ землею. Ей-ли изобилующей существен-
ными богатствами присвоить ненасытимо *всѣ* источ-
ники существованія?... желать самой *все* обрабатывать,
когда она несравненно дешевле можетъ имѣть *наемни-*
ковъ себѣ въ предѣловъ своихъ? Доколѣ мы измѣрять
себя будемъ мѣрилами чуждыми и подражать младен-
чески?...

Внутренняя торговля, усилясь отъ успѣховъ хлѣбо-
пашества и руководлій, втеченіе немногихъ лѣтъ, сама
собою безъ всякихъ насильственныхъ пріемовъ возвы-
ситъ виѣшнюю въ нашу пользу. Великими примѣрами
распространяемая благонравіе и любовь ко всему оте-
чественному послужать также къ уменьшенію надобно-
стей въ заграничныхъ произведеніяхъ. Цѣна россій-

скихъ существенныхъ богатствъ, а тѣмъ вмѣстѣ и цѣна изобразительныхъ, возрастетъ неминуемо.

Для внутренней и вѣншей торговли, для совершенія великаго подвига законодательства, Онъ, конечно, потщится сохранить миръ съ державами. Онъ употребитъ на сіе счастливыя средства, представляемыя Ему теперь провидѣніемъ, которое *явно* простираетъ къ Россіи милующую десницу. Ему, безъ сомнѣнія, представлено начертать смѣлый планъ *постоянной* политики, свойственный россійской министеріи и одной ей принадлежащій. Не имѣетъ ли Онъ надежнѣйшихъ способовъ содержать всѣ Дворы въ почтѣнн къ себѣ, не преклоняясь ни на чью сторону? Находятъ ли по нынѣшнему положенію Своего государства, по его сопредѣльности, по его силамъ, малѣйшія причины, или выгоды входить въ раздоры ихъ? Населеніе Россіи, въ *цвѣтѣ снѣ находящееся*, таково ли, чтобъ жертвовать людьми безъ *крайнейшей* необходимости?... О, какая участь! обращать на себя призвательные взоры любви и уваженія всѣхъ народовъ; быть извѣстнымъ со стороны безпредѣльнаго могущества, и благотворить!... Если Всевышній мерзитъ челоукоубійствомъ и другими гнусными слѣдствіями войны, если Ему угодно, чтобъ когда либо существовала истинно-христіанская держава, то сей примѣръ удобнѣе всего въ Россіи, и въ царствованіе Александрово.

Въ счастливое сіе время, вооруженная сила не останется безполезною. Напротивъ, тогда-то будетъ она выполнять истинный свой предметъ: *охраненіе общаго спокойствія*. Въ ожиданіи, пока безумный какой либо врагъ дѣйствительно покуспся бы на него, найдутся средства занять милліонъ здоровыхъ, сильныхъ рукъ, ежегодно стоящихъ болѣе трети государственныхъ доходовъ, не заставляя ихъ лить кровь въ странахъ и дѣлахъ чужихъ... Прежде всего оградить Онъ западные

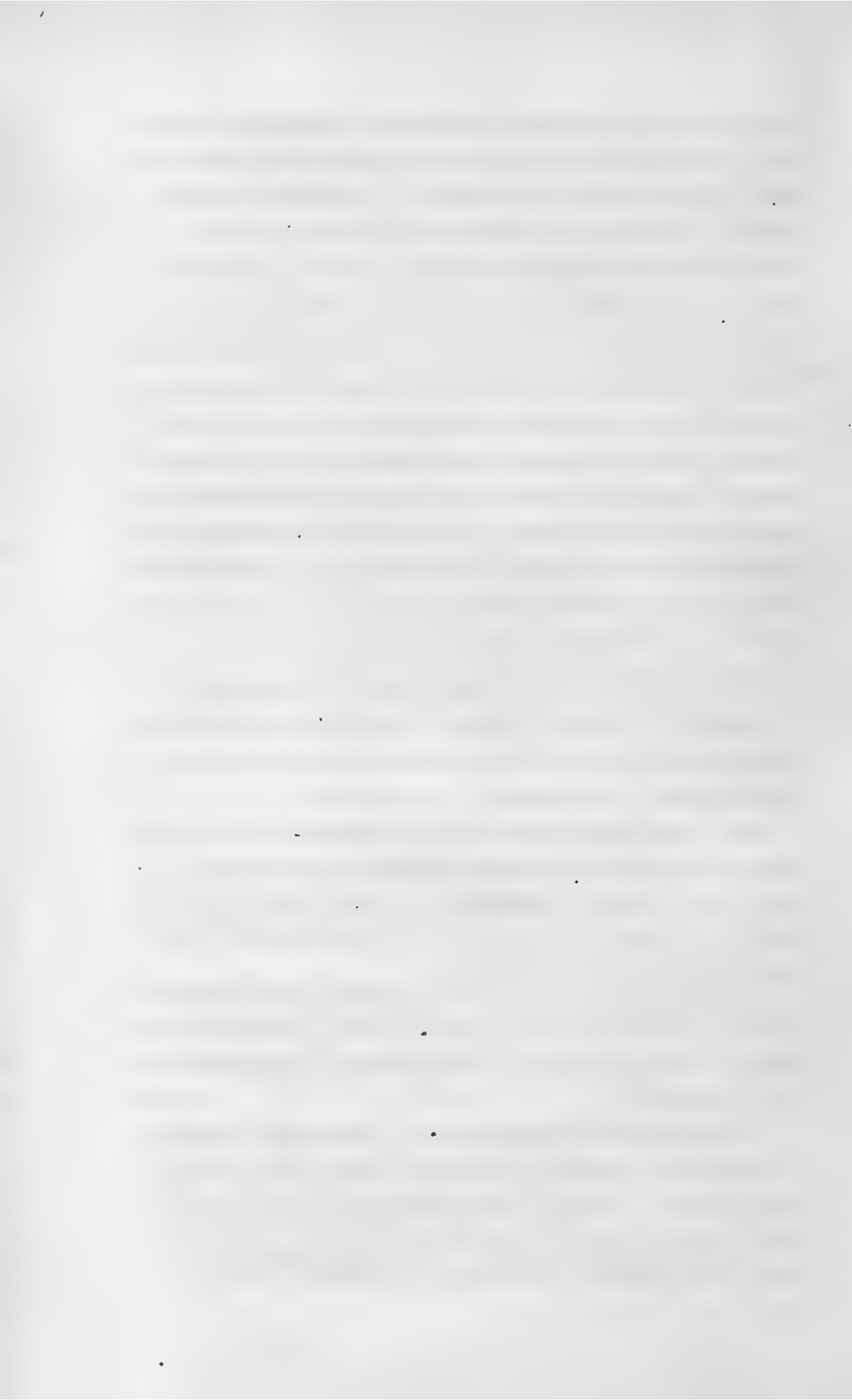

предѣлы Имперіи Своей удвоеннымъ забраломъ крѣпостей: да кажутся онѣ соеѣдямъ страшными рядами зубовъ покоющагося льва. Потомъ, по примѣру Римлянъ, которые, выше всего ставя воинское ремесло, не сомнѣвались однакожъ производить войнами общественныя работы, строить славные свои водоводы и свои дороги; по примѣру нѣкоторыхъ европейскихъ государей, кои въ новѣйшія времена предпринимали такіе-же опыты, и въ числѣ ихъ самага основателя сей столицы, обезпечившаго продовольствіе ея Ладожскимъ каналомъ, станетъ Онъ употреблять, по очереди, часть мощныхъ нашихъ ратниковъ, съ младенчества приобыкшихъ къ повиновенію и трудамъ, на государственныя работы. Нѣкоторая прибавка къ обыкновенному ихъ жалованью возбудитъ ихъ дѣятельность; и какъ много существенно полезнаго окажется въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ! откроются повсюду водяныя и сухопутныя сообщенія, рѣки сдѣлаются судоходными, болота превратятся въ плодоносныя долины... Между тѣмъ и границы Имперіи не останутся безъ защищенія, и русская сила будетъ въ виду и въ понятіи у непріятелей.

Онъ соединитъ война съ поселяниномъ, и поселянина съ прочими состояніями союзомъ взаимной пользы, ощущеніе которой, братолюбіе и подданническая обязанность, будутъ одно и то же чувство подъ тремя различными только видами.

Онъ... по могу ли я обнять высокое предназначеніе Всевышняго; могу ли представить себѣ, исчислить всѣ дѣянія, которыхъ сѣмя лежитъ въ его человеколюбивомъ сердцѣ?...

Народы всегда будутъ то, чѣмъ угодно правительству, чтобъ они были: Царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ имѣть безотвѣтныхъ рабовъ—съ нимъ подлыхъ, между собою жестокосердыхъ,—Онъ имѣлъ ихъ. Петръ желалъ видѣть насъ подражателями ино-

странцамъ: къ несчастію мы съ излишествомъ такими стали. Премудрая Екатерина начала образовывать *Россіянъ*. Александръ довершитъ великое сіе дѣло. Наслаждаяся нѣкогда плодами своей юности, Онъ будетъ блаженнѣйшимъ изъ смертныхъ, и слава Его, утвержденная на любви подданныхъ, переходящей изъ рода въ родъ, на всеобщемъ земныхъ племенъ почтеніи, будетъ предметомъ желаній величайшихъ монарховъ!..

Слышалъ я, что юный нашъ владѣтель съ равнодушіемъ затверженныя принимаетъ восклицанія поэзи, которая безстыдно принаравливаетъ ихъ ко *всѣмъ* царямъ, увѣряя *каждаго*, что онъ лучше своего предшественника: я смѣлъ начертать сіи мысли...

О, Ты, котораго обожаетъ мое сердце, не отвергни сію дань его, въ простотѣ и съ безкорыстнѣйшими чувствованіями тебѣ приносимую...

Государь! въ душѣ моей повергаюсь къ столамъ Твоимъ, орошаю ихъ слезами чистѣйшей, вѣчной преданности!... Геній-благотворитель любезнаго моего Отечества!»

III.

Маркизъ Поза.

На другой день Тропинскій доложилъ государю, что привезъ автора письма, что онъ чиновникъ одной изъ его канцелярій, *Василій Назаровичъ Каразинъ*. Государь, отпустивъ Тропинскаго, пригласилъ Каразина въ кабинетъ и, оставшись съ нимъ одинъ, спросилъ его:

— Вы писали ко мнѣ это письмо?

— Виновать, государь, отвѣчалъ Каразинъ.

— Дайте же мнѣ обнять васъ за него, благодарю васъ, я желалъ бы, чтобъ у меня больше было такихъ

подданныхъ. Продолжайте всегда со мной говорить такъ откровенно, продолжайте всегда говорить мнѣ *правду!*

Государь прижалъ его къ своей груди, и Каразинъ, рыдая, какъ ребенокъ, бросился къ его ногамъ со словами: «Клянусь, что буду всегда говорить правду».

Александръ усадилъ его, долго бесѣдовалъ съ нимъ, велѣлъ ему писать къ себѣ въ собственныя руки, двери кабинета были открыты для него...

Маркиза Позу допускать ко мнѣ
Впередъ безъ всякаго доклада.

... Маркизь Поза нашъ началъ свою политическую карьеру года за два передъ тѣмъ. Двдцати пяти лѣтъ онъ оставилъ военную службу. Образованный, съ рѣд-кой многосторонностью, онъ простился съ Семеновскимъ полкомъ, для того, чтобъ изучать Россію и заниматься точными науками. Это было время пущаго разгара павловскаго безумія. Когда молодой человекъ взгля-дѣлся въ положеніе несчастной Россіи, стягаемой на право и на лѣво, безъ разбору, ея палачемъ, такой ужасъ, такое отвращеніе, такое отчаяніе овладѣли его душой, что онъ рѣшился, во что бы то ни стало, уѣхать въ чужіе края. Заграничные паспорта были запре-щены. Каразину не дали дозволенія ѣхать. Онъ рѣ-шился перебраться черезъ границу безъ паспорта. При переправкѣ черезъ Нѣманъ, его схватили драгуны и свезли въ Ковно.

Гибель Каразина была неминуема. Онъ хватился за самое опасное и несбыточное средство, оно спасло его. Предупреждая офиціальное донесеніе, онъ послалъ 14 августа 1798 съ эстафетой слѣдующее письмо къ Павлу:

14 августа 1798, Ковно.

«Государь,

Несчастный преступникъ осмѣливается къ Тебѣ писать: преступникъ противъ Твоихъ повелѣній, Само-

держецъ Россіи, не противу чести, совѣсти, религіи и отечественныхъ законовъ. Удостоѣ внять прежде осужденія. Да озарить меня *единный* лучъ твоей прозорливости, прежде нежели сожжетъ молнія Твоего гнѣва!

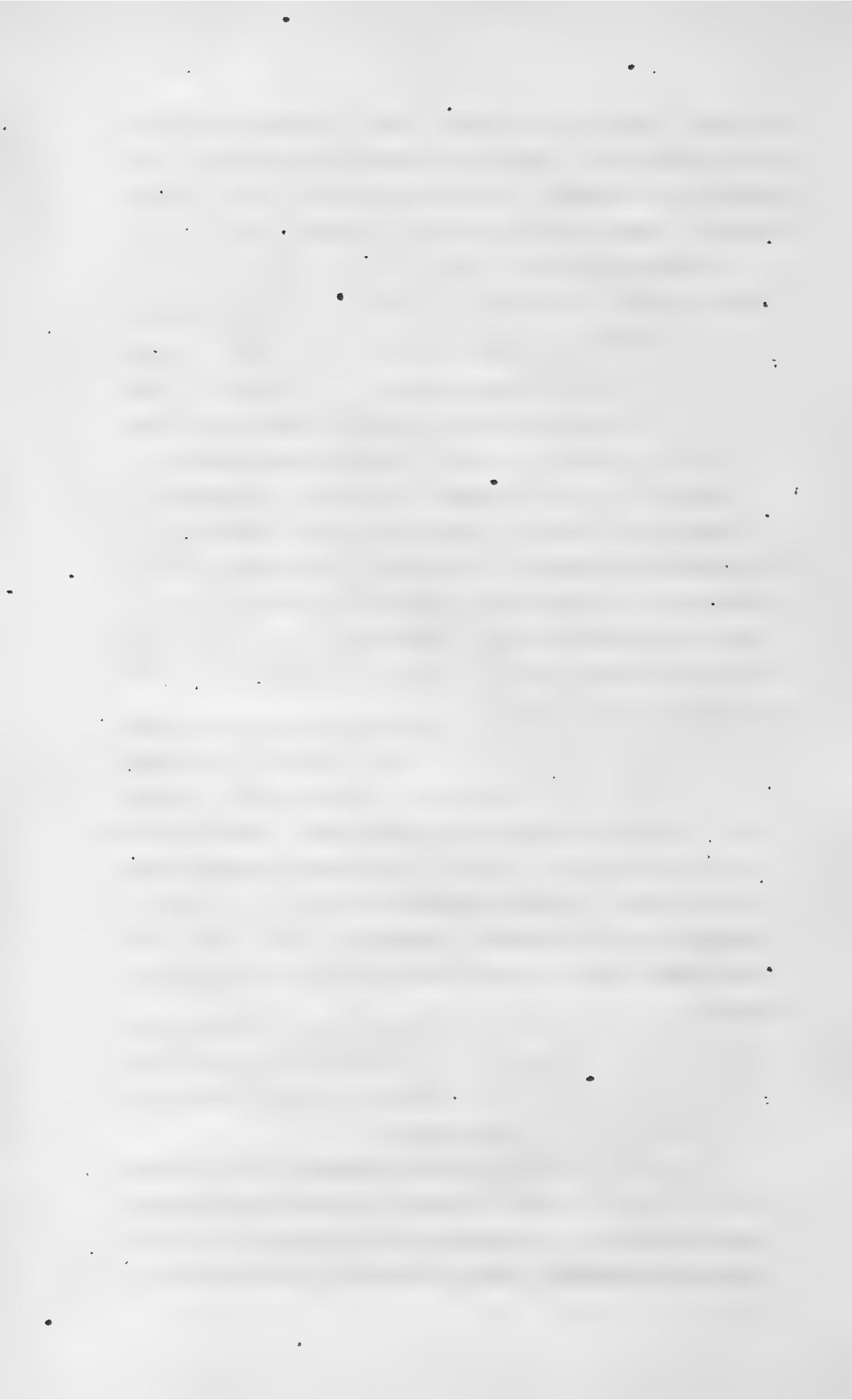
Я хотѣлъ оставить мое отечество, великую страну Твоей державы; покусился, вопреки Твоей, *двукратно*, т. е. всенародно и частно, на мое лицо выраженной, воли. Ночью противу 3-го числа сего мѣсяца, при переправкѣ въ Ковно черезъ Нѣманъ, я удержанъ объѣздомъ екатерининскаго гренадерскаго полка: въ короткое время достигнуть о томъ офиціальное донесеніе.

Конечно, будутъ собраны обо мнѣ свѣдѣнія въ С.-Петербургѣ, гдѣ я короткое время пробылъ, и въ Слободской-украинской губерніи, краѣ моего рожденія и помѣстья. Дерзаю здѣсь предварительно увѣрить, что они не послужатъ въ мое обвиненіе. Я не имѣлъ никакой нужды спастись бѣгствомъ. Оно будетъ загадкою для моихъ слѣдователей:

Прійми мое признаніе: я желалъ укрыться отъ Твоего правленія, страхась его жестокости. Многіе приѣмѣры, разнесенные молвою въ пространствѣ царства Твоего, молвою вѣроятно удесятеренные, грозили мысли и воображенію день и ночь. Я не зналъ за собою вины. Въ уединеніи сельской жизни не могъ я имѣть ни случаевъ, ниже поводовъ оскорбить Тебя. Но свободный образъ моихъ мыслей могъ быть уже преступленіемъ...

Теперь въ волѣ Твоей наказать меня—и оправдать страхъ мой,—или простить, и заставить лить слезы раскаянія о томъ, что я столь ложныя мысли имѣлъ о государѣ великомъ и милосердомъ!»

Павлу не часто приходилось читать такія письма. Ужась передъ его деспотизмомъ, заставившімъ молодого человѣка бѣжать, и простодушное признаніе его взяли Павла въ расплохъ. Стоя въ третьей танцевальной по-

зиціи и опираясь преднамѣренно неловко на трость, Павелъ сказалъ приведенному къ нему *преступнику* своимъ сильнымъ голосомъ: «Я докажу тебѣ, молодой человѣкъ, что ты ошибаешься, что служба въ Россіи можетъ быть не дурна и при мнѣ; при комъ хочешь ты служить?» Хотя намѣреніе Каразина перебраться черезъ границу и не было доказательствомъ особенно сильнаго желанія испытывать прелесть павловской службы, но тутъ разсуждать было нечего: Каразинъ назвалъ Троицискаго; Павелъ велѣлъ его опредѣлить и оставить въ покоѣ.

Для Александра такой человѣкъ былъ кладъ, казалось, что онъ понялъ это. Неутомимая дѣятельность Каразина и глубокое, научное образованіе его были поразительны: онъ былъ астрономъ и химикъ, агрономъ, статистикъ, не риторъ, какъ Карамзинъ, не доктринеръ, какъ Сперанскій, а живой человѣкъ, вносящій во всякій вопросъ совершенно новый взглядъ и совершенно вѣрное требованіе.

Сначала императоръ безирестанно посылаетъ за нимъ, пишетъ ему собственноручныя записки ¹⁾. Каразинъ, упоенный успѣхомъ, удесятерять свои силы, пишетъ проекты, между прочимъ, проектъ министерства просвѣщенія, подаетъ записку объ *искорененіи рабства* (т. е. крѣпостнаго состоянія) въ народѣ, въ которой прямо говоритъ, что послѣ того, что дворяне освобождены имъ дарованной грамотой, чередъ за крестьянами; вмѣстѣ съ тѣмъ пишетъ о народныхъ школахъ, составляетъ самъ два катехизиса, одинъ *святскій*, одинъ духовный, и вдругъ, въ пущій разгаръ своего фавера, беретъ отпускъ и пропадаетъ на своей родинѣ въ Малороссіи. Не думайте, что онъ поѣхалъ

---

¹⁾ Какъ хотѣлось бы намъ видѣть эти записки. Такія достоинства исторіи не должно хранить подъ снудомъ.

отдохнуть, набрать новыхъ силъ, такіе люди не устаютъ, нѣтъ, онъ возвращается черезъ нѣсколько недѣль въ Петербургъ съ 618,000 р. с., которые онъ вымолилъ, выплакалъ у харьковскаго и полтавскаго дворянства и купчества, на учрежденіе университета въ Харьковѣ. Государь хочетъ наградить его, Каразинъ отказывается. «Я становился, государь, на колѣна передъ дворянами и купцами, я вымаливалъ у нихъ деньги со слезами, да не будетъ сказано, что я дѣлалъ все это изъ желанія получить награду».

Александръ имъ доволенъ, все идетъ хорошо, но уже замѣтна какая-то непріязненная сила, которая то тамъ подкатить бревно подъ колеса, то тутъ опустить тормазъ...

Проектъ министерства просвѣщенія утвержденъ, но ужъ онъ не тотъ; утвержденъ и проектъ харьковскаго университета, но колоссальный замыселъ Каразина суживается въ обыкновенные размѣры нѣмецкой провинціальной Poch Schule. Каразинъ мечталъ о центральномъ учебномъ заведеніи, не только всей Малороссіи, но и юго-западныхъ славянъ, даже грековъ. Ему хотѣлось привлечь туда величайшія знаменитости ученаго міра. Лапласъ и Фихте согласились ѣхать, вызванные имъ, но правительство нашло ихъ не по карману.

Едва замѣчая *неудачу своихъ удачъ*, Каразинъ выписываетъ изъ чужихъ краевъ, на свой счетъ, въ Харьковъ тридцать два семейства типографовъ, переплетчиковъ и другихъ работниковъ, является во дворецъ вдовствующей императрицы, пишетъ для нея трактаты о женскомъ воспитаніи, статьи о педагогикѣ и пр. Это его нисколько не отрываетъ отъ другихъ порученій Александра и отъ другихъ предпринятыхъ работъ. Съ небольшимъ въ два года онъ успѣлъ, сверхъ сказаннаго, написать уставъ для академіи, для университе-

товъ, для всѣхъ учебныхъ заведеній, собрать матеріалы для исторіи финансовъ и для исторіи медицины въ Россіи, заяться собраніемъ первыхъ статистическихъ свѣдѣній и привести въ порядокъ государственный архивъ.

Въ 1804 году Каразинъ возвратился съ слѣдствія, которое онъ дѣлалъ, совокупно съ Державинымъ, надъ губернаторомъ Лопухинымъ. Злоупотребленія этого человѣка, находившаго сильную поддержку, были раскрыты. Лопухинъ отданъ подъ судъ. Оставалось награждать слѣдопроизводителей; но уже нитка, по которой маркиза Позу пускали ходить, была коротка.

Ничего не замѣчая, онъ явился къ государю. Государь его принялъ съ насупившимися бровями. Каразинъ стоялъ, какъ пораженный громомъ.

— Ты хвастаешься моими письмами?

— Государь... Но государь не далъ ему отвѣтить.

— Посторонніе знаютъ, что я тебѣ писалъ одному и никому не показывалъ. Ты можешь идти.

Каразинъ вышелъ и между ними все было кончено. Каразинъ подалъ въ отставку; государь принялъ его просьбу.

Итакъ, въ 1804 году императоръ не зналъ, что содержаніе писемъ бываетъ извѣстно *почтовому ведомству*.

Поневоля вспомнишь печальный анекдотъ, рассказанный Н. П. Тургеневымъ, какъ Александръ гдѣ-то на конгрессѣ, получивъ просьбу крестьянина, проданнаго своимъ помѣщикомъ, спросилъ Тургенева, «будто законами дозволяется продажа людей безъ земли, и будто продажа въ розницу допускается?» Тургеневъ, знавшій хаосъ законовъ по этой части, хотѣлъ воспользоваться вопросомъ, чтобъ уничтожить невольническую продажу и, разумѣется, не успѣлъ. Послѣ засѣданія въ совѣтѣ, на которомъ Тургеневъ горячился, В. П. Ко-

чубей подошелъ къ нему и, горько улыбаясь, сказалъ:
«И вы думаете, что изъ этого что нибудь будетъ?...
Вы лучше вотъ чему подивитесь, что государь
двадцать лѣтъ царствуетъ и не зналъ, что у
насъ людей продаютъ по одиночку!»

IV.

Прародительскій грѣхъ.

Петровское правительство необычайно свободно. Оно имѣетъ виды, корысти, отношенія, *но нравственныхъ обязанностей* никакихъ.

Освобождаясь отъ застоявшихся преданій родительскаго дома, оно въ то же время оборвало все кровныя связи, не палая на себя другихъ; оно отдало свою родную мать чужому вотчиму въ кабалу, но и ему не подчинилось.

Сложные, разноначальные элементы западной жизни, были взяты на выборъ, подтасованы. Изъ цѣлой фразы, въ которой самыя противурѣчія смягчали односторонности, выполняли крайности и дѣлали своего рода строй, были выхвачены нѣсколько звуковъ разрушившихъ ея сочетаніе и смыслъ. Все, увеличивающее власть, все, подавляющее человѣка, было взято; все, ограждающее лицо, оставлено въ сторонѣ; казуистика инквизиторіальнаго процесса обогатилась татарскою пыткой, вѣмецкій чинъ—византійскимъ чинопочитаніемъ.

Самое слово человѣческое, безусловно подавленное и презираемое, получало только тогда мощь безграничнаго несчастія и неотвратимой угрозы, власть *дѣла*, когда оно сулило доносъ!

Такого правительства, отрѣшеннаго отъ всѣхъ правственныхъ началъ, отъ всѣхъ обязанностей, принима-

емыхъ на себя властью, кромѣ самосохраненія и сохраненія границъ, въ исторіи нѣтъ. Петровское правительство самая чудовищная абстракція, до которой можетъ только подняться германская метафизика eines Polizeistaates. Правительство для правительства, народъ для государства. Полная независимость отъ исторіи, отъ религіи, отъ обычая, отъ человѣческаго сердца; матеріальная сила вмѣсто идеала, матеріальная власть вмѣсто авторитета.

Будь Россія завоевана, положимъ Польшей, была бы борьба. Польское панство принесло бы свои традиціи шляхетной воли, оно вызвало бы, какъ въ Малороссіи, какъ во время самозванцевъ, изъ оскорбленной народности, Ляпуновыхъ, Мининыхъ, Пожарскихъ, Хмѣльницкихъ. Два элемента помѣрились бы. Побѣдитель посмотрѣлъ бы, кто этотъ побѣжденный, въ чемъ его особенность, въ чемъ его народность. Но петровское завоеваніе Россіи, безъ иноплеменниковъ, безъ враждебнаго знамени, безъ открытаго боя, взяло всю страну въ расплехъ. Народъ тогда догадался, что онъ побѣжденъ, когда всѣ крѣпкія мѣста были въ рукахъ непріятели; для *побѣдителей* побѣжденный народъ не имѣлъ даже интереса новости неизвѣстнаго; напротивъ, отчуждившійся притѣснитель презиралъ *черный* народъ русскій, былъ увѣренъ, что знаетъ его и чувствовалъ себя тою же плотью и тою же кровью, но очищенной тою же цивилизаціей и призванной управлять *черною*.

Около Петра собирается куча голы дворянской, непомнящей родства, иностранцевъ, непомнящихъ родины, деньщиковъ и сержантовъ, въ пересыпочку съ старыми боярскими дѣтьми и вѣчными интриганами, ползающими у ногъ всякой власти и пользующимися всякими милостями. Кругъ этотъ растетъ и умножается быстро, давая всюду свои чужеядные побѣги.

Мало по малу по всей Россіи распространяется эта плѣсень, она тащится по грязи и снѣгу, съ офицерскимъ дипломомъ, съ сенатскимъ указомъ о мѣстѣ, съ купчей крѣпостью, голодная и алчная, свирѣпая съ пародомъ и подлая съ начальствомъ. Изъ нея составляется какая-то сѣть, охраняемая солдатами, собирающаяся въ узелъ вверху Зимняго дворца и уловляющая внизу каждой петлей мужиковъ и горожанъ. Это какое-то разсѣянное дворянски-чиновничье государство. Съ общимъ армейски-помѣщичьимъ характеромъ. Въ немъ все сбрито: борода, областная самобытность, личная особенность. Оно одѣвается по нѣмецки и старается говорить по французски.

Съ ужасомъ и отвращеніемъ смотритъ народъ на измѣнниковъ, по сила съ ихъ стороны, и какъ онъ ни стонетъ, и какъ ни возстаетъ,—ревизіи и рекрутчины, барщины и оброки, кнутъ и розги идутъ своимъ чередомъ. Онъ ропталъ, дѣлалъ опыты частныхъ возстаній; сговорившись съ казаками и татарами, поднялся было въ цѣломъ краѣ,—но войска, войска... и пошла опять кнутовая расправа. Оглушенный болью, задавленный отчаяніемъ, онъ грохнулъ на землю и около ста лѣтъ пролежалъ въ оцѣпенѣніи.

Только съ тѣхъ поръ петровская Россія сдѣлалась тѣмъ мертвымъ, беззвучнымъ моремъ, котораго не подниметъ никакой ураганъ.

До семидесятыхъ годовъ петровскіе денщики и сержанты вовсе не входили въ русло. Люди эти, пьяные отъ вина и крови, привыкшіе къ топору палача, къ стону пытаемыхъ, лизнувшіе власти и битые палкой, съ надменной отвагой и безъ всякаго чувства чести, помнили очень хорошо, какъ легко въ безпародномъ государствѣ сажать на престолъ всякую дрянъ и сгонять ее съ престола.

Они знали, что въ императорскомъ «Мы» есть и

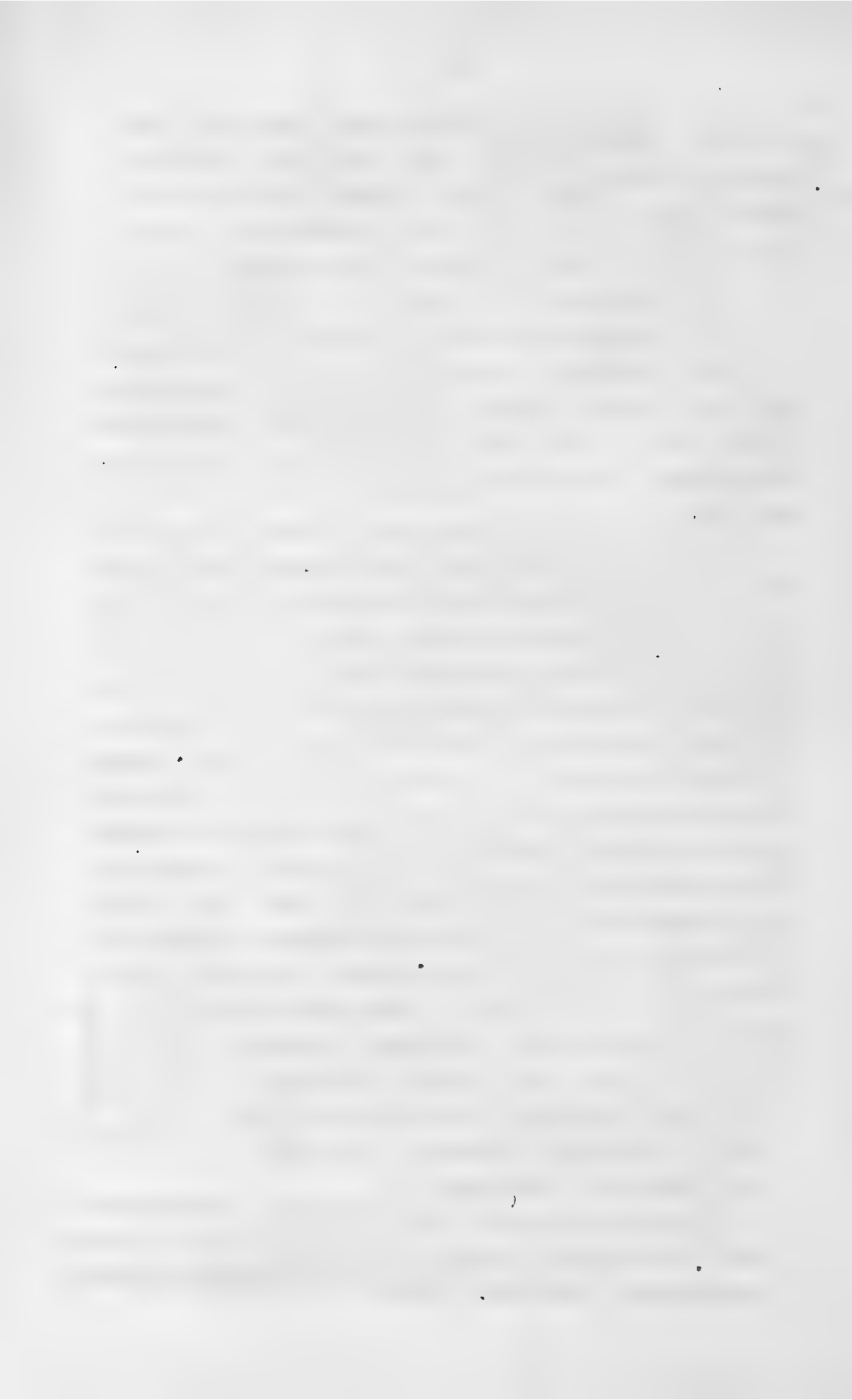

ихъ доля... Дальповидные изъ нихъ хотѣли въ свою пользу ограничить самовластіе, но истые сержанты предпочитали просто душить царей и сажать на ихъ мѣсто своихъ любовницъ. Дерзкая дворня была опасна, требовательна. Князю Григорью Григорьевичу Орлову мало было Екатерины, ему хотѣлось титула ея мужа. Зная, какъ узы брачныя легки, Екатерина соглашалась, но другіе деньщики и сержанты и не думали ей позволить. Имя Іоанна Антоновича было произнесено, она его велѣла убить, какъ кошку; имя княжны Таракановой вспомнилось; она велѣла ее украсть, какъ крадутъ собаченокъ.

Все это дѣлалось отъ страха. Страхъ лихорадочный, испобѣдимый овладѣвалъ человѣкомъ, какъ только онъ садился на ржавый отъ крови тронъ Петра. На такихъ вѣрноподданныхъ, какъ деньщики и сержанты, какъ вѣмецкіе искатели пріключеній, опереться было трудно; на народъ, на этотъ затоптанный въ грязь, подаренный дворянству, безгласный народъ, еще меньше: онъ не существовалъ. Вѣнценосцы куражились, старались забыться, но страхъ бралъ верхъ и вдругъ на нихъ нападалъ ужасъ человѣка, стоящаго на канатѣ: внизу чернь головъ повурыхъ, не смотрящихъ на верхъ, голосъ до нея достигнуть не можетъ; возлѣ... ужъ лучше бы никого... возлѣ сержанты, деньщики и никого близкаго... Они пугались собственного безплодія и посылали искать гдѣ нибудь у вѣмецкихъ ландграфовъ и архіепископовъ каплю петровской крови въ четвертомъ, пятомъ колѣнѣ; или наскоро заказывали дѣтей, какъ Елизавета Екатеринѣ, и все осматривались, и все боялись, не идетъ ли деньщикъ, выпивши... съ андреевской лентой и съ веревкой.

Прошелъ другой, и все измѣнилось. Тучи разсѣялись, свои узнали своихъ. Раскрылась міру картина величайшаго семейнаго счастія: богоподобная Фелица,

«мать отечества», спокойно стояла на вершинѣ силы и власти, благосклонно улыбаясь козѣнопреклопеннымъ деньщикамъ и сержантамъ, сенаторамъ и кавалерамъ, все молилось ей, все благоговѣло передъ ней. Лучезарная стразами на манеръ *энциклопедическихъ* бриллиантовъ, она сіяла мудростью Беккари и глубокомысліемъ Монтескьё, говорила античныя рѣчи степнымъ помѣщикамъ, надѣвала римскіе шлемы своимъ *balafrés*... вызывала законодателей, принимавшихъ *ея волю* за законъ... Ея полководцы побѣждали ей на сушѣ и на морѣ, Державинъ ее пѣлъ тяжелыми стихами, Вольтеръ ее превозносилъ легкой прозой, и она, упоенная властью, удрученная любовью, отдавала все *своему* народу, все: свое тѣло, души вольныхъ казаковъ, монастырскія имѣнья. «Славься, славься, ты, Екатерина!»

Кто сдѣлалъ это чудо, кто заарканилъ въ Россію ренегатовъ и нѣмцевъ? Кто привѣнчалъ Фелицѣ крамольныхъ деньщиковъ и окровавленныхъ сержантовъ?

Одна неизвѣстная степная старушка-барыня, въ родѣ помѣщицы Коробочки, приворожила ихъ.

Дѣло, говорятъ, было такъ.

Пугачевъ проѣзжалъ ея усадьбой, струхнула старушка и вышла его величество звать хлѣба-соли откушать.

— А что, какова она у васъ, православные? спросилъ государь-казакъ мужиковъ.

— Не хотимъ, ваше царское величество, грѣха на душу брать, мы барыней завсегда довольны, мать намъ родная.

— Хорошо, старушка, пойду къ тебѣ, выпью твоей водки, благо народъ хвалить.

Старуха угостила, чѣмъ могла. Пугачевъ простился съ ней и пошелъ садиться въ сани. Народъ его ждалъ. Лица были недовольны.

— Али просьба какая, говори смѣлѣй.

— Да что же, твое царское величество, при чемъ же мы-то... то есть останемся?

— А что?

— Да, вѣдь, вотъ ты, батюшка, былъ тамъ-то, помещика-то повѣсилъ, да и дѣтенышей-то его, вотъ и тамъ-то... ну, а мы-то какъ?

— Да, вѣдь, вы же говорите, что больно хороша ваша старуха.

— Оно точно, твое величество, она добрая женщина, да, вѣдь, все же лучше порѣшить.

— Ну, братцы, коли хотите, какъ хотите, пожалуй и порѣшимъ.

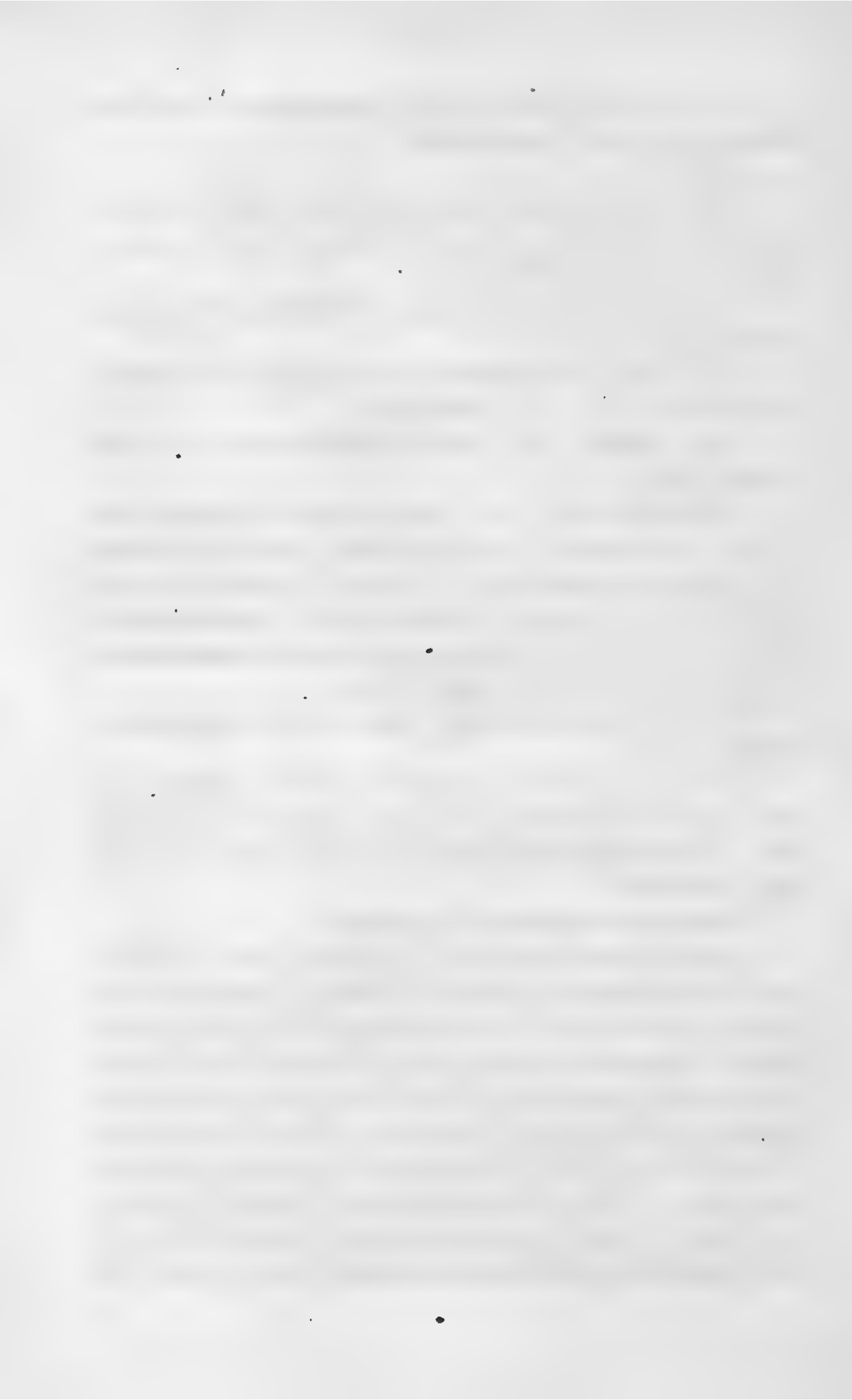
— Жаль-то жаль, но дѣлать нечего, говорили мужички, отправляясь за старушкой, спокойно убравшей посуду на радостяхъ, что царь ее простилъ, и къ крайнему ея удивленію повѣсили ее на перекладниѣ. Она-то, говорятъ, и сглазила крамольныхъ девицковъ и правительствующихъ сержантовъ.

Призадумались они, видя такую *нелицспріятную* справедливость.

«Такъ-ли мы его засѣкли? Скажите на милость, да вѣдь это съ каждымъ изъ насъ можетъ случиться? Нѣтъ, полно крамольничать, что мы сдѣлаемъ безъ царской помощи?»

И семейная ссора была покончена.

Съ этого времени начиная, правительство не смѣло ни въ чемъ подать руки крестьянамъ. Дворянство потеряло всякій смыслъ гражданской доблести передъ правительствомъ и всякое чувство нравственного стыда въ отношеніи крестьянъ. Двѣ Россіи окончательно перестали другъ въ другѣ понимать людей. Между ними не было ничего человѣческаго, ни состраданія, ни справедливости. Розная нравственность, розныя святыни. Запуганный крестьянинъ жался въ своей деревнѣ, боялся помещика, боялся исправника, боялся города, гдѣ

всякій могъ его бить, гдѣ его кафтанъ и поддевка считались подлой одеждой, гдѣ онъ бороду только встрѣчалъ на иконахъ Христа. Помѣщикъ, искренно плакавшій за повѣстями Мармонтеля, хладнокровно дралъ на конюшинъ мужика за недомку. Мужикъ съ спокойной совѣстью надувалъ помѣщика и судью. «Ты-то что за баринъ, говорила какая нибудь старушка въ кучерской Митькѣ или Кузькѣ, что ѣшь скоромное въ постъ? То баринъ, съ него и не взыщется, а ты-то съ чего не исполняешь законъ божій?»

Далѣе раздвоеніе идти не можетъ.

Народъ сломился. Безъ ропота, безъ бунта, безъ упованья пошелъ онъ, стиснувъ зубы, *слѣдующую тысячу* розогъ, изнуренный падалъ, умиралъ, гнали его дѣтей, и такъ одно поколѣніе за другимъ. Тишина водворилась, оброки платились, барщины исполнялись, трубила псовая охота, играла крѣпостная музыка; весело было материнскому сердцу императрицы.

Упрочился петербургскій тронъ. Четырнадцать расширяющихся обручей табели о рангахъ, прикрѣпленные къ землѣ штыками и прикладами, поддерживали его; имъ помогало провинціальное дворянство, всосавшись въ крестьянскую грудь. Западный свѣтъ блѣдно и холодно скользнулъ по верхушкѣ пирамиды, освѣщая одну сторону ея; по другую за ея тѣнью, нельзя было ничего разглядѣть, да и нечего было смотрѣть: тамъ лежало какое то засѣченное тѣло, покрытое рогожей, въ ожиданіи *кого-то*, кто долженъ рѣшить, умеръ онъ или нѣтъ... Казалось, побѣда была совершенная.

Но петровскій переворотъ замѣшалъ обоюдоострый элементъ въ жизнь дворянской Россіи. Петру нравилась матеріальная сторона цивилизаціи, прикладная наука: ея богатые средства удесятерили власть; но онъ не зналъ, какіе шипы кроются въ этихъ западныхъ розахъ, а, пожалуй, слишкомъ презиралъ свой народъ,

чтобъ думать о томъ, что онъ можетъ усвоить и еще кое-что, кромѣ фортификаціи, кораблестроенія и канцелярскаго порядка. Наука стоитъ всякаго червя; подтачиваешь день и ночь до тѣхъ поръ, пока гдѣ-нибудь да выйдетъ на свѣтъ, пробьется до сознанія, а *иное сознаніе*, точно угрызеніе совѣсти, поидетъ бродить до тѣхъ поръ, пока поднимется вся онара.

Въ 1789 случился вотъ какой случай: одинъ неважный молодой человѣкъ, отъуживавъ съ друзьями въ Петербургѣ, поѣхалъ въ почтовой кибиткѣ въ Москву. Первую станцію онъ проспалъ. На второй, въ Софін, онъ долго хлопоталъ о лошадяхъ и должно быть оттого разгулялся такъ, что, когда свѣжая тройка понесла его, звеня колокольчикомъ, онъ вмѣсто сна сталъ слушать пѣсню ямщика на свѣжемъ утреннемъ воздухѣ; странныя мысли пришли въ голову неважнаго человѣка. Вотъ его слова:

«Извонникъ мой затянулъ пѣсню, по обыкновенію заунывную. Кто знаетъ голоса русскихъ народныхъ пѣсенъ, тотъ признается, что есть нѣчто, скорбь душевную означающее. Всѣ почти голоса таковыхъ пѣсенъ тона мягкаго. *На семъ музыкальномъ расположеніи народнаго уха умѣй учреждать бразды правленія.* Въ немъ найдешь образованіе души нашего народа. *Посмотри на русскаго, найдеши его задумчивымъ.* Если захочетъ разогнать скуку, или, какъ то онъ самъ называетъ, если захочетъ повеселиться, — въ кабакъ... *Бурлакъ, идущій, повѣся голову, въ кабакъ и возвращающійся обгаженный кровью отъ оплеухъ, многое можетъ рѣшить доселѣ гадательное въ исторіи россійской.*»

Ямщикъ все плачетъ свою пѣсню; путникъ все думаетъ свою думу и, не доѣхавъ до Чудова, онъ вдругъ вспомнилъ, какъ онъ въ Петербургѣ когда-то ударилъ своего Петрушку за то, что онъ былъ пьянъ, да и за-

плакалъ, какъ ребенокъ, и, не краснѣя за дворянскую честь, имѣлъ безстыдство написать: «О, если-бъ онъ тогда хоть пьяный опомнился и отвѣчалъ бы мнѣ со-отвѣтственно!»

Отъ этой пѣсни, отъ этихъ слезъ, отъ этихъ словъ, потерянныхъ на почтовомъ трактѣ, между двухъ станцій, надобно считать одну изъ начальныхъ точекъ обратнаго теченія; зачатіе дѣлается всегда тихо и слѣдъ его обыкновенно сначала пропадаетъ.

Императрица Екатерина поняла, въ чемъ дѣло, и изволила «съ жаромъ и чувствительностью» сказать Храповицкому: «*Радищевъ бунтовщикъ хуже Пугачева!*»

Удивляться, что она его отослала въ цѣпяхъ въ Илимской острогъ — нелѣпость. Гораздо удивительнѣе то, что Навель воротилъ его; но онъ это сдѣлалъ на зло покойной матери, другой цѣли у него не было.

Съ тѣхъ поръ время отъ времени являются какіе-то потерянные, безгромныя зарницы; являются люди, воплотившіе въ себя историческое угрызеніе совѣсти, безсильные искупители, неповинные страдальцы за грѣхи отцовъ. Многіе изъ нихъ готовы были все отдать, всемъ пожертвовать, но не было алтаря, некому было принять ихъ жертву. Одни стучались во дворецъ, на колѣняхъ умоляли опомниться; ихъ рѣчь будто потрясала вѣнценосцевъ, но изъ этого ничего не вышло; другіе стучались въ избу, но не могли ничего сказать мужику, — такъ разошлись ихъ языки. Крестыянннъ смотрѣлъ сурово и недовѣрчиво на этихъ «дары несущихъ Данаевъ» и съ горестью уходили отъ него расканивающіеся, сознавая, что у нихъ нѣтъ родины.

Сироты мысли, сироты любви, иностранцы дома, разобщенные между собой, эти пять-шесть лучшихъ людей въ Россіи гибли въ праздности, окруженные безучастіемъ, ненавистью, непониманіемъ. Новиковъ си-

дѣлѣ въ крѣпости, Радищевъ въ Илимскѣ. Хороша имъ показалась, вѣроятно, Россія, когда Павелъ ихъ выпустилъ?

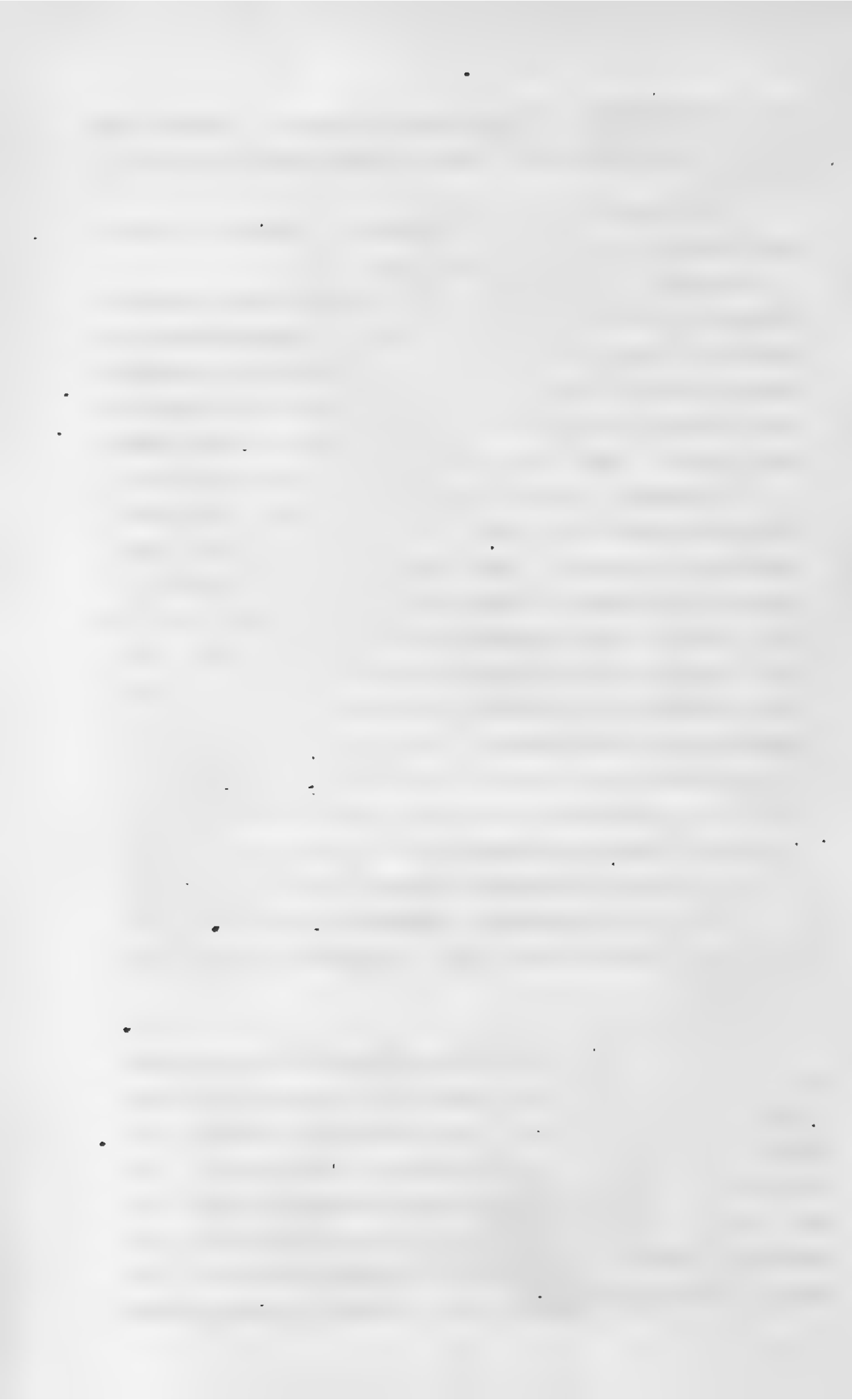
... Ничего нѣтъ удивительнаго, что все съ упованіемъ взглянули на Александра.

Молодой, прекрасный собой, съ кроткимъ и задумчивымъ взглядомъ, застѣнчивый и чрезвычайно привѣтливый, онъ могъ очаровать ихъ. Развѣ онъ не страдалъ о боляхъ Россіи, какъ они? развѣ онъ не хотѣлъ ихъ исцѣлить, какъ они?... но онъ *сверхъ того и могъ* это сдѣлать, такъ, по крайней мѣрѣ, имъ казалось.

И Радищевъ, дорого заплатившій за то, что пожалѣлъ черную Русь, идетъ съ такою же вѣрой, какъ Каразинъ, предлагать свои сллы юному императору, и его онъ принимаетъ. Рьяно бросается Радищевъ на работу, пишетъ рядъ законодательныхъ проектовъ, которые должны вести къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія, тѣлесныхъ наказаній. Но вдругъ, какъ-то потолковавши, не съ ямщикомъ, а съ графомъ Завадовскимъ, онъ остановился, замялся, на него начало сомнѣніе, страхъ, онъ подумалъ, подумалъ, налилъ себѣ стаканъ купороснаго масла и выпилъ его. Александръ послалъ къ нему своего лейбъ-медика Вилье, помочь было поздно. Вилье только сказалъ, глядя на черты агонизирующаго: «должно быть этотъ человекъ былъ очень несчастенъ!»

Должно быть!

Это было осенью 1802 года, Каразинъ тогда былъ въ силѣ, онъ Радищева зналъ очень хорошо, даже потерялъ какъ-то тетрадь его проектовъ,—но потрясающій примѣръ не подѣйствовалъ. Высланный изъ дворца, онъ возвращается черезъ пять лѣтъ, черезъ десять лѣтъ, черезъ двадцать, черезъ *тридцать*, съ своимъ проектомъ освобожденія крестьянъ и дворянскаго представительства, съ своимъ переворотомъ

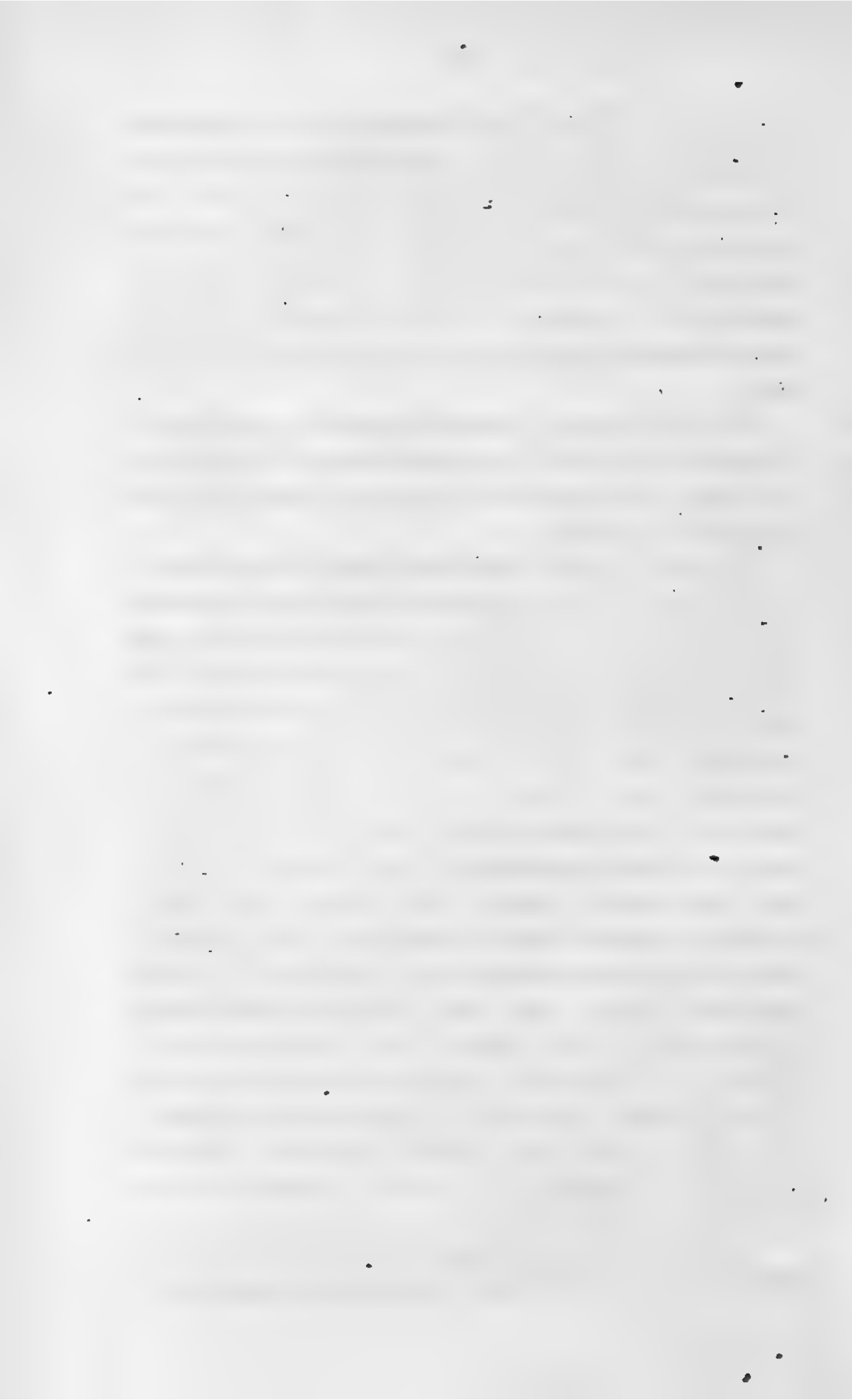

сверху вниз. Не замѣчая, наконецъ, что уже царствуетъ Николай, онъ стучится и къ нему въ двери и толкуетъ этому ограниченному фрунтовику о томъ, «что поднимаются бури, что быть бѣдѣ, что надобно для сохраненія трона дѣлать уступки», и никакъ не можетъ сообразить, за что Александръ въ 1820 велѣлъ его посадить въ крѣпость, а изъ передней Николая его велѣлъ вывести жандармамъ оберъ-жандармъ Бенкендорфъ.

Ему бы спросить у Сперанскаго, какъ крутыя горки плоскаго Петербурга укачиваютъ рьянаго кова и дѣлаютъ изъ него почтенную упряжную клячу, важно ходящую въ шорахъ.

Но какъ же эти люди могли такъ обманываться, или зачѣмъ же ихъ обманывалъ Александръ? Да этого вовсе не было. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго права, по крайней мѣрѣ, до 1806—7 года сомнѣваться въ его искреннемъ желаніи облегчить судьбу своихъ подданныхъ: оградить крестьянъ отъ злоупотребленія помещиковъ, отъ злоупотребленія чиновниковъ, отъ подкуннаго суда и несправедливости сильныхъ. Александръ не ставилъ исключительной цѣлью своего царствованія тупое поддержаніе и увеличеніе своей власти, какъ какой-нибудь Николай. Онъ не желалъ, чтобъ его слово равнялось приему стрихнина, онъ домогался, чтобъ его не только боялись, но и любили. Въ самыя страстныя минуты, онъ могъ не только выслушать мнѣніе другаго, но и принять его. Рѣшившись разстрѣлять въ 1812 году Сперанскаго, онъ отмѣнилъ безумную казнь, поговоривши съ академикомъ Парротомъ. Все это такъ, но сдѣлать что-нибудь путнаго для русскаго народа, онъ не могъ. Въ этомъ-то и состояла трагическая роль его.

И по чемъ знать, не ударился ли онъ во внѣшнія войны оттого, что онъ сталъ разглядывать заколдован-

ный кругъ, который расширялся всякій разъ, когда онъ приказывалъ наборъ, увеличивалъ тяги народныя, и тотчасъ суживался, когда онъ предпринималъ что-нибудь для народа. Онъ становится нерѣшителенъ, его давить недовѣріе къ другимъ, неувѣренность въ себѣ; колебаніе растеть съ пораженіями, растеть съ побѣдами; изъ Парижа онъ возвращается мрачнымъ мистикомъ, — не хочетъ больше ни пересоздавать, ни улучшать; онъ возвращаетъ Сперанскаго, но проекты его остаются сосланными въ архивъ; онъ Энгельгардту, сказавшему ему что-то о приведеніи въ порядокъ гражданской части, печально отвѣчаетъ «*Не кѣмъ взять!*»

Къ власти онъ привыкъ, славы ему было не нужно больше, ему хотѣлось теперь покоя, и онъ между всѣми министрами и сановниками, между генералами, покрытыми славой, и людьми приближенными, выбралъ бездушнаго палача — Аракчеева и передалъ ему Россію... да еще такъ распорядился, чтобъ она и послѣ его смерти досталась *другому* Аракчеву.

Дворянству онъ не вѣрилъ, народа онъ не зналъ, и чему же дивиться, когда возлѣ него стояли люди, какъ Сперанскій и его противникъ Карамзинъ, какъ предтеча славянофильства Шинковъ, которые могли *знать народъ, но не знали его?* Когда умнѣйшіе государственные люди, какъ Мордвиновъ, толковали о дворянствѣ, какъ объ единой опорѣ престола, когда честные сенаторы, какъ Лопухинъ, возмущались при мысли объ освобожденіи крестьянъ?

Жаль, что Александръ былъ немного глухъ и не ѣздилъ одинъ въ кибиткѣ по большимъ дорогамъ, можетъ, и его какъ-нибудь разбудила бы на зарѣ пѣснь ямщика и онъ въ ней, а не въ Эккартсгаузенѣ, искалъ бы ключа къ тайнамъ народа.

... Для того, чтобъ знать русскій народъ, Александру мало было убить отца, ему надобно было отрѣчься отъ

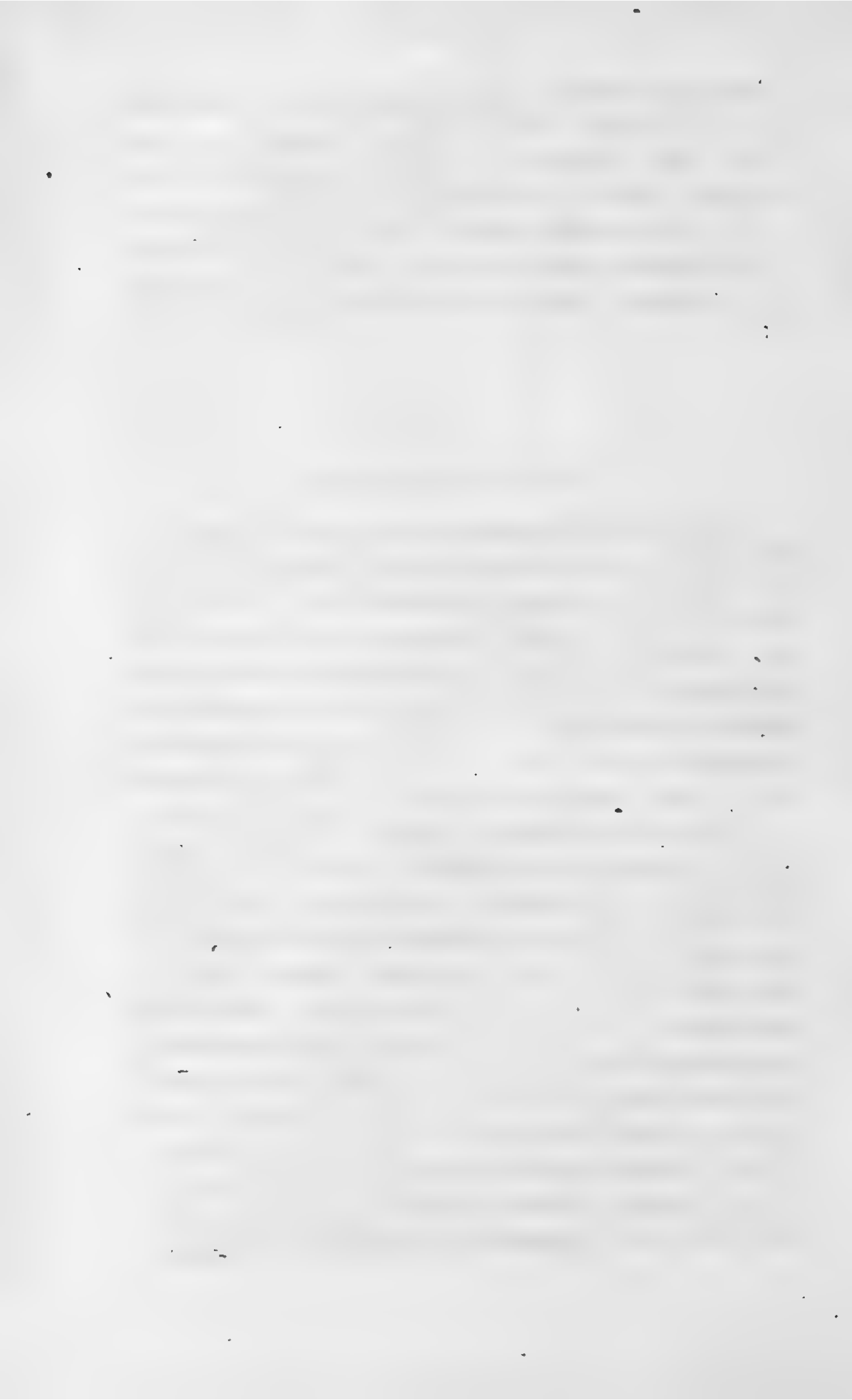
«премудрой бабки», отъ «великаго Петра», отъ всего роду и племени. Ему---странно сказать---ему надобно было отрѣчься отъ Лагарпа, который изъ него сдѣлалъ человѣка, но который никогда бы не понялъ, «что объ русской исторіи лучше государственныхъ актовъ можно узнать у бурлака, который угрюмо идетъ въ питейный домъ и окровавленный выходитъ изъ него!»

V.

Faremo da Se!

Когда двери государева кабинета затворились для Каразина, онъ еще сдѣлалъ оныть, пользуясь правомъ ему предоставленнымъ, писать къ нему. Но маркизь Поза не имѣлъ больше интереса для коронованнаго донъ Карлоса, къ тому же Александръ теперь былъ поглощенъ и занятъ вопросами другой важности, вопросами европейскими, онъ мѣрился съ Наполеономъ и напращивался на войну, которая должна была кончиться тѣмъ, что насъ побьютъ подъ Аустерлицомъ.

Начинаетъ заниматься другимъ и Каразинъ; онъ, какъ отверженный любовникъ, *par dépit amoureux*, бросается въ дѣятельность, изумительно многостороннюю. Въ его огненной, беспокойной головѣ несутся, чередуются, переплавляются вереницы мыслей, государственные планы, агрономическіе проекты, ученныя теоріи, машины, наблюденія, снаряды, новое винокурение, усовершенствованіе кожевеннаго производства, земледѣльческіе опыты съ иностранными сѣменами, легкій способъ сушить и сохранять плоды и пр. Начинается война, — Каразинъ пишетъ о средствахъ умноженія селитры, дѣлаетъ мясные консервы и рядомъ съ этимъ хлопочетъ объ учрежденіи повсемѣстныхъ метеороло-

гическихъ наблюденій въ Россіи; ставить въ 1808 г. совершенно *ясныя наукообразныя* требованія по этой части, которая наука до сихъ поръ не можетъ удовлетворить; ищетъ средствъ употребить на пользу воздушное электричество, заводить филотехническое общество въ Слободско-украинской губерніи, ищетъ о своемъ харьковскомъ университетѣ и пр., и пр.

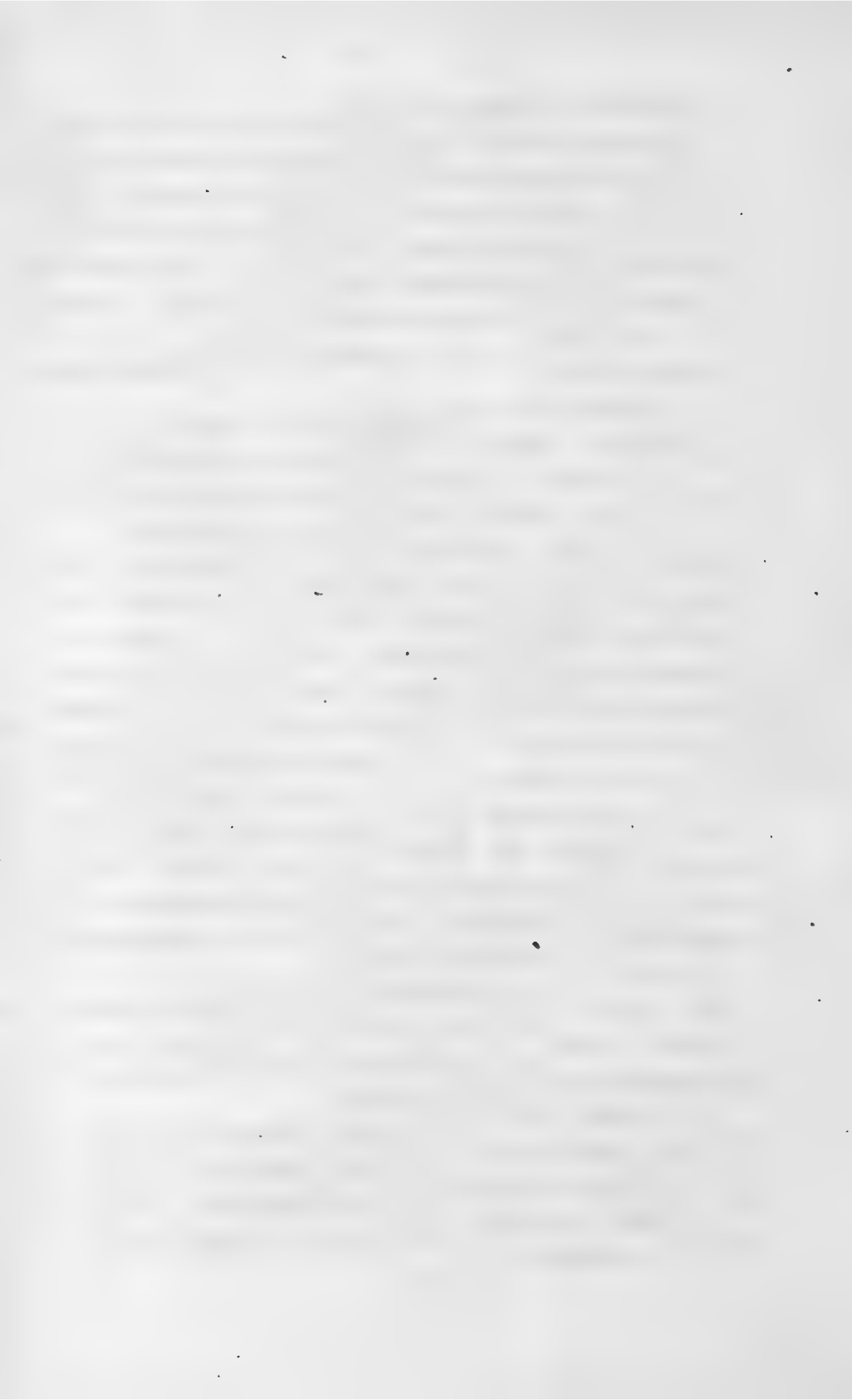
Но главная мысль, главная боль, основной тонъ жизни не тутъ.

Улучшая винокуренные заводы и стараясь на дѣло употребить воздушное электричество, Каразинъ страстно слѣдитъ за другими событіями и ищетъ другого громоотвода. Между тѣмъ время идетъ да идетъ.

Александръ царствуетъ уже двадцатый годъ. Чего и чего не было съ тѣхъ поръ, какъ со слезами на глазахъ онъ читалъ письмо Каразина?... Тильзитъ и 1812 годъ, Москва и Парижъ, Вѣнскій конгрессъ и св. Елена. Общественное мнѣніе, разбуженное столькими выстрѣлами и толчками, двинулось впередъ, правительство стало отставать. Александръ не исполнилъ своихъ обѣщаній. Неудовольствіе росло. Народъ, давший столько крови и получившій за это шишковскую прозу манифеста, ропталъ на новый рекрутскій наборъ тѣмъ больше, что поговаривали о безсмысленной войнѣ для поддержанія австрійскаго ига въ Италіи, о повтореніи нелѣпнѣйшей суворовской кампаніи.

Молодые люди, энергическіе и образованные, смотрятъ угрюмо. Каразинъ все это видитъ, но онъ продолжаетъ вѣрить, что Александръ *можетъ и хочетъ* предупредить собирающуюся бурю.

Въ началѣ 1820 года государь простилъ какой-то казенный долгъ тестю Каразина. Каразинъ просилъ дозволеніе лично принести свою благодарность—отказъ. Онъ написалъ государю письмо, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ:

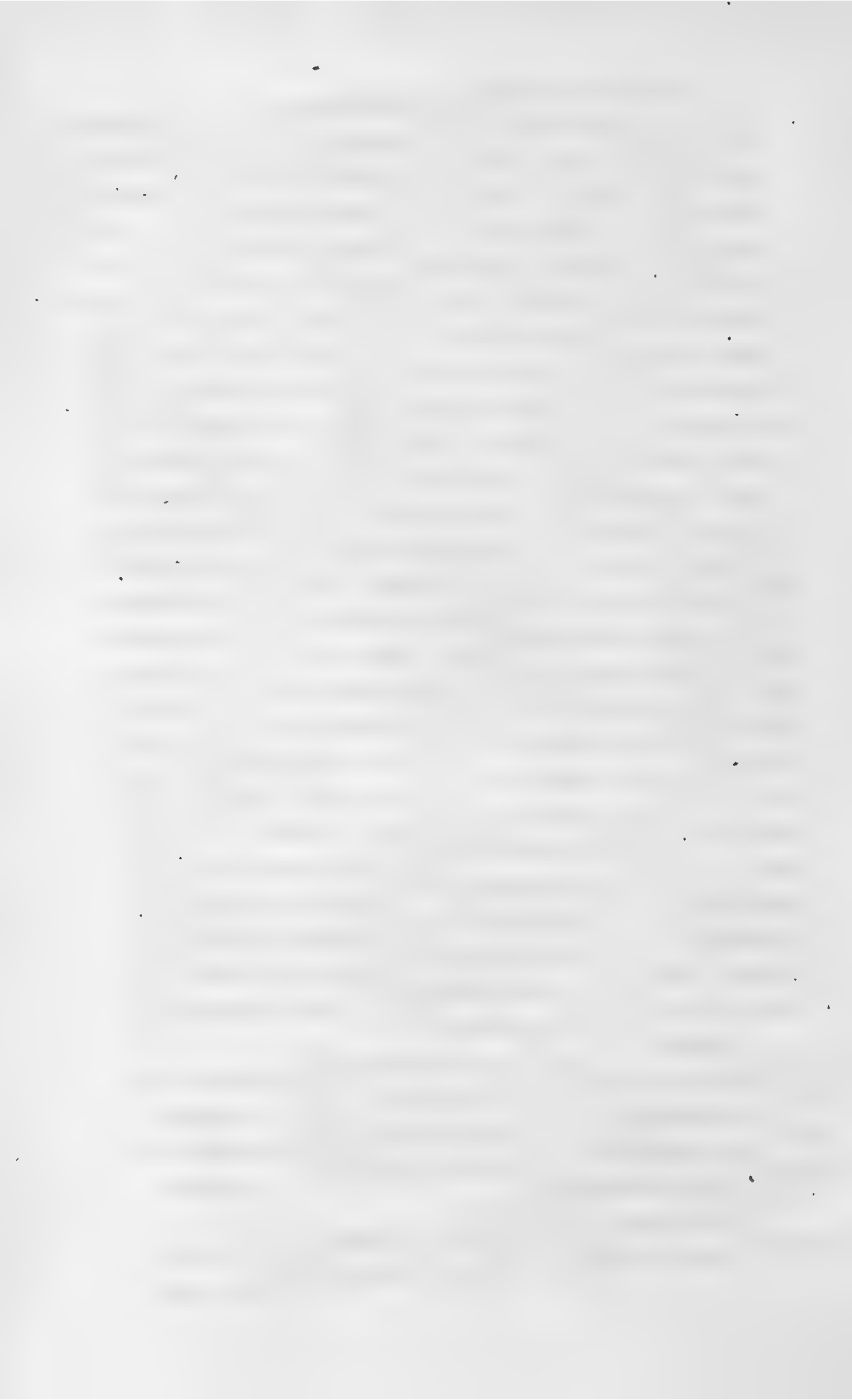

«Я ничего особливаго писать не буду; но попрошу только, потребуйте, всем. государь, у графа Виктора Павловича бумагу въ нѣсколько листовъ, писанную мной для него 31 марта, по поводу одного съ нимъ разговора, и еще письмо у дѣйств. тайнаго совѣтника князя Вяземскаго, писанное къ нему изъ Масальской его деревни кунцомъ Роговымъ съ 1-го апрѣля, которое онъ мнѣ читалъ на сихъ дняхъ. Нельзя было безъ ужаса встрѣтить столь рѣшительнаго сходства мыслей человека, столь удаленнаго отъ меня по всемъ отношеніямъ, съ моими, и со всемъ тѣмъ, что занимаетъ мою душу постоянно съ 1817 года, когда я имѣлъ дерзновеніе открыть сіе въ письмѣ моемъ изъ Украины вашему величеству. Нельзя было не привести себѣ на память, что *точно такъ* изъ разныхъ мѣстъ отзывались во Франціи отголоски благонамѣренныхъ, предъ наступленіемъ гибельнаго переворота, и что *точно такъ* были пренебрегаемы! «Il est singulier que dans ce siècle de lumières, les souverains ne voient venir l'orage que quand il éclate», сказалъ Наполеонъ Ласъ-Казасу на островѣ св. Елены (р. 93, § CCCLXVII). Столь чудное согласіе различныхъ умовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго, заслуживаетъ вниманіе, *должно* въ себѣ заключать нѣчто справедливое, тѣмъ больше, что подобныя чувствованія открываются въ бесѣдахъ частныхъ обѣихъ столицъ съ нѣкотораго времени! Довольно, если половина, если *нѣкоторая* доля есть тутъ основательнаго!

... «Время—говоритъ онъ въ запискѣ, поданной по приказанію государя В. П. Кочубею—время укрѣпить разслабѣвающій составъ нашего государства; время замѣнить *религіозное* къ престолу почтеніе — другимъ, основаннымъ на законахъ.

«Конечно годъ, два, можетъ, и болѣе еще протянется, но для того-то я теперь и пишу, *для того-то*

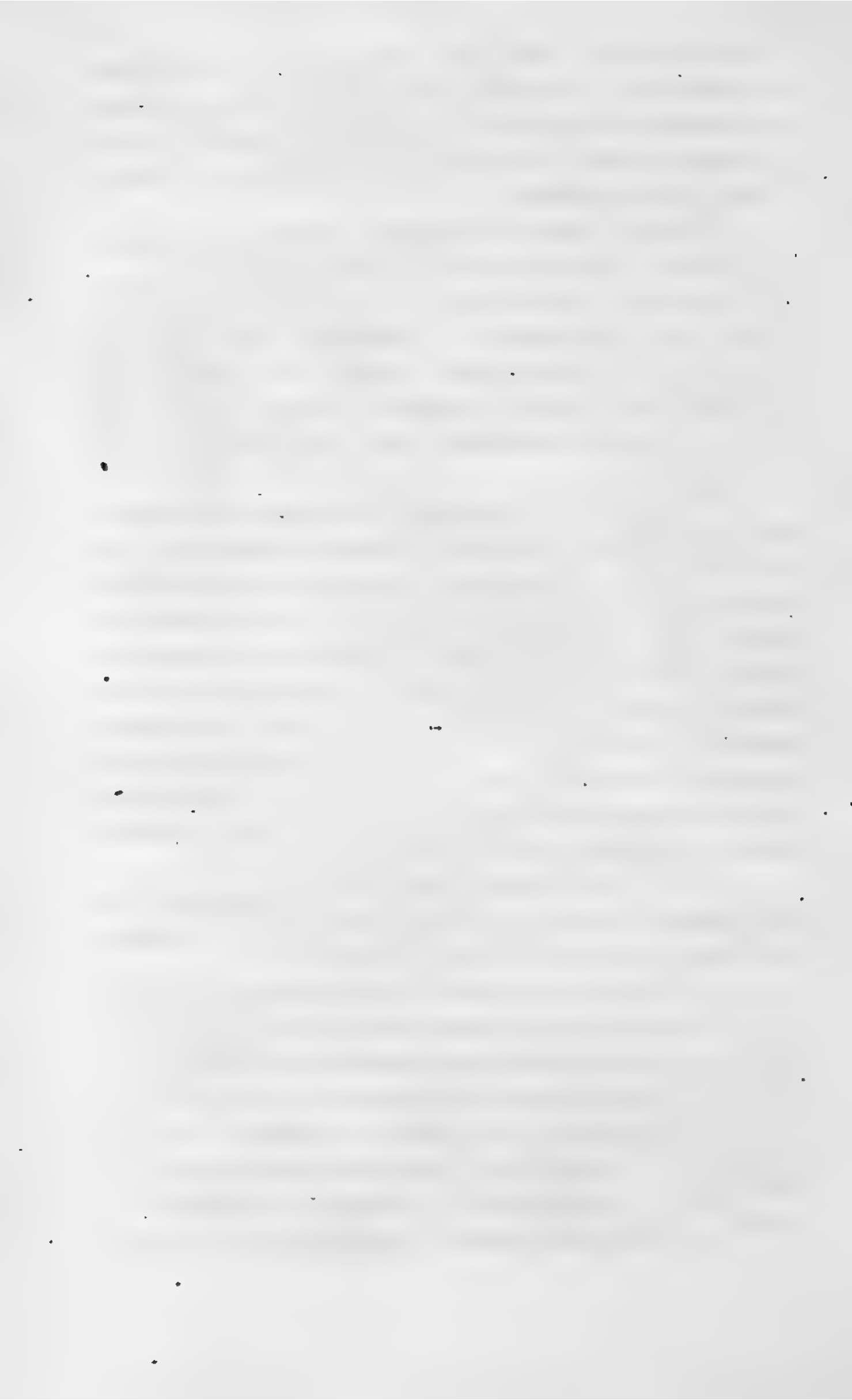
и отваживаю всего себя. Моя участь должна быть или ссылка за Байкалъ, пока еще сослать можно, или смерть съ оружіемъ въ рукахъ при защищеніи послѣдняго входа къ комнатамъ государевымъ. Тогда я писать ужъ не стану».

Каразинъ умоляетъ государя «не вѣрить словамъ, которыми губернаторы его встрѣчаютъ, все благополучно, все по прежнему!» — «Великая перемѣна, говоритъ онъ, произошла и ежедневно происходитъ въ умахъ...» Въ семеновской исторіи, въ которой онъ оправдываетъ солдатъ и удивляется имъ, онъ явно видитъ «ступеньку лѣстницы, которую строятъ для насъ духъ въка».

Но гдѣ же его громоотводы? Вотъ они. «Постепенное освобожденіе крестьянъ и вызовъ выборныхъ людей отъ всего дворянства, какъ представителей общественнаго мнѣнія въ семейномъ совѣтѣ правительства»; этой Думой, полагаетъ Каразинъ, «будетъ спасено все и безъ ущерба монархической власти, лишь бы не ушло время. Земля, единственная въ своемъ составѣ, въ преддверіи величайшаго твоего несчастія, ты можешь еще быть спасена искреннимъ семейнымъ союзомъ твоего государя съ его дворянствомъ! Впрочемъ, да будетъ какъ и во всемъ воля божія!

... «Да и что можетъ потерпѣть самодержавіе отъ довѣренности къ тому сословію, котораго участь тѣснѣйшимъ образомъ съ нимъ соединена?

... «Всѣ мѣры полицейской и духовной цензуры недостаточны противъ распространяющихся мнѣній. Излишняя строгость возмущаетъ лишь сердца. Натянута вервь внезапно перервется. Въ многихъ *разночинцахъ и отпущенникахъ* я предвижу злодѣевъ, которые превзойдутъ Робеспьеровъ. Есть и дворяне, прожившіе свое имѣніе, воспитанные въ развратѣ и дурныхъ началахъ, недовольные службою, слѣдовательно, готовые

присоединиться къ черни. Время Пугачева, московскаго бунта при Еропкинѣ и явленія безначалія при нашемъ вѣствованіи въ 1812 году, въ разныхъ мѣстахъ Московской и Калужской губерніи (?) оказавшіяся, возвѣщаютъ за- временно какова чернь наша при невозбранномъ употребленіи вина! *Горе намъ! престолъ потонетъ въ крови дворянства!*»

На этотъ крикъ ужаса и предостереженія, императоръ Александръ велѣлъ В. П. Кочубею потребовать у Каразина «подробностей, доказательства, имени», иными словами *доносъ*. Развился «Траянъ и Маркъ Аврелій» въ двадцатилѣтнее царствованіе!

Каразинъ отказался. Государь велѣлъ его посадить въ крѣпость и потомъ удалить на житье въ его мало-россійское имѣніе.

За что?

За то, что мѣшался не въ свои дѣла, но этого-то Каразинъ и не могъ никакъ понять. «А давно ли дѣло отчества, въ которомъ я живу, въ которомъ будутъ жить, — говоритъ онъ — мои дѣти и внуки, перестало быть моимъ собственнымъ дѣломъ? ¹⁾ Изъ какой азіатской системы взята эта мысль? *Учитъ правительство*, выраженіе изобрѣтенное нарочно для уязвленія самолюбія лицъ, правительство составляющихъ. Но авторы, издающіе книги о лучшемъ устройствѣ законодательствъ, финансовъ и пр., развѣ не болѣе еще

---

¹⁾ Главный Николай не раздѣлялъ мнѣнія Каразина. Вотъ какъ харьковскій губернаторъ сообщилъ ему (24 ноября 1826) высочайшее разрѣшеніе оставить деревню: «г. начальникъ главнаго штаба с. и. в. сообщилъ мнѣ, что государь императоръ вамъ разрѣшаетъ всемъ право жить, гдѣ пожелае, съ дозволеніемъ итѣть *пробываніе и въ Москвѣ, кроме однако-же Санктъ-Петербурга, впредь до повелѣнія и съ тѣмъ*, чтобы вы воздержались отъ *всякаго сужденія до васъ непринадлежащаго!*» — Каковъ языкъ и каковъ мозгъ!

должны называться виновными? Мы всё учимъ и учимся до самой смерти. Правительство есть средоточіе, въ которое необходимо должна стекаться всякая мысль о благѣ общемъ. *Горе, если мы станемъ разсуждать на площади, подобно другимъ народамъ!...* Да и много ли насъ теперь въ Россіи *желающихъ, умныхъ и дерзающихъ* говорить нѣчто правительству? Оно съ сей стороны можетъ оставаться покойнымъ: *ему не наскучатъ!*»

Какъ бы то ни было, но Каразинъ былъ въ крѣпости и могъ на досугѣ обдумывать, что опаснѣе — спасать сильныхъ міра сего, или толкать ихъ въ пропасть.

Въ тѣ ночи безъ сна, когда Каразинъ писалъ Кочубею свои политическія рапсодіи, не спали и другіе дѣятели; не спали они въ гвардейскихъ казармахъ, въ штабѣ второй арміи, въ московскихъ старинныхъ господскихъ домахъ. Они догадались, что Александръ дальше двухъ-трехъ либеральныхъ фразъ не пойдетъ, что въ зимнемъ дворцѣ нѣтъ мѣста ни маркизу Позѣ, ни Струензе; они поняли, что спасеніе для народа не можетъ выйти изъ той же комнаты, изъ которой вышли военныя поселенія. Они ничего не ждали отъ правительства и хотѣли своими силами справиться; ими свѣтлая полоса пирамиды нѣсколько опустилась; вершина стала тускнеть за туманомъ. Образованіе, умъ, жажда воли, все это было теперь въ другомъ поясѣ, въ другой средѣ, недворцовой; въ ней была юность, отвага, ширь, поэзія, Пушкинъ, рубцы 1812 года, зеленые лавры и бѣлые кресты. Между 1812 и 1825 годами развилась цѣлая плеяда, блестящая талантами, съ независимымъ характеромъ, съ рыцарскою доблестью (явленіями совершенно новыми въ Россіи). Ею было усвоено все то изъ западнаго образованія, что было запрещено къ ввозу. Лучшаго ничего не производила петровская эпоха, это были ея *предпозоротные* цвѣ-

ты и несмотря на роковую косу, разомъ подрѣзавшую ихъ, ихъ вліяніе—какъ Волгу въ морѣ—можно далеко прослѣдить въ печальной, николаевской Россіи.

Сказаніе о декабристахъ становится больше и больше торжественнымъ прологомъ, отъ котораго всѣ мы считаемъ нашу жизнь, нашу героическую генеалогію. Что за титаны, что за гиганты и что за поэтическія, что за сочувственныя личности! Ихъ нельзя было ничѣмъ ни умалить, ни исказить, ни висѣлицей, ни каторгой, ни блудовскимъ донесеніемъ, ни корфовскимъ поминаньемъ...

Да, это были люди!

Когда, черезъ тридцать лѣтъ, нѣсколько старцевъ, пережившихъ Николая, возвратились согбенные и опираясь на клюку, изъ своей томной, долгой ссылки,—николаевское поколѣніе забитыхъ, желчныхъ, разочарованныхъ смотрѣло съ смущеніемъ на эту юность, сохранившую въ казематахъ, рудникахъ и Сибири прежній жаръ сердца, молодое упованье, несокрушимую волю, непреклонныя убѣжденія, — на эту юность, осѣненную серебряными волосами, въ которыхъ виднѣлись слѣды терноваго вѣнка, лежавшаго больше четверти столѣтія на ихъ головахъ. Не они искали у остывшаго очага своего опоры, успокоенья, нѣтъ, — они утѣшали слабыхъ, они подавали руку больнымъ дѣтямъ, ободряя ихъ, поддерживая ихъ силы и ихъ надежды!

Какъ утомленный Фаустъ обращался за отдыхомъ и миромъ къ вѣчно изящнымъ типамъ матерей, такъ наше молодое поколѣніе обращается за родной силой и крѣпительнымъ примѣромъ къ этимъ отцамъ.

Святой фалангой декабристовъ очищенъ петербургскій періодъ; далѣе дворянство не могло идти, не выйдя въ народъ, не разодравъ своей грамоты.

Это его Исаакъ, принесенный на жертву примире-

нія съ народомъ. Коронованный Авраамъ не слыхалъ гласа божія и затянулъ веревку...

Народъ не плакалъ.

Трагическій элементъ петровскаго періода достигъ высшаго, раздирающаго душу выраженія,— далѣе и ему нельзя идти.

Жертва была дѣйствительно полная и эту полноту дало ей именно *безучастіе народа*.

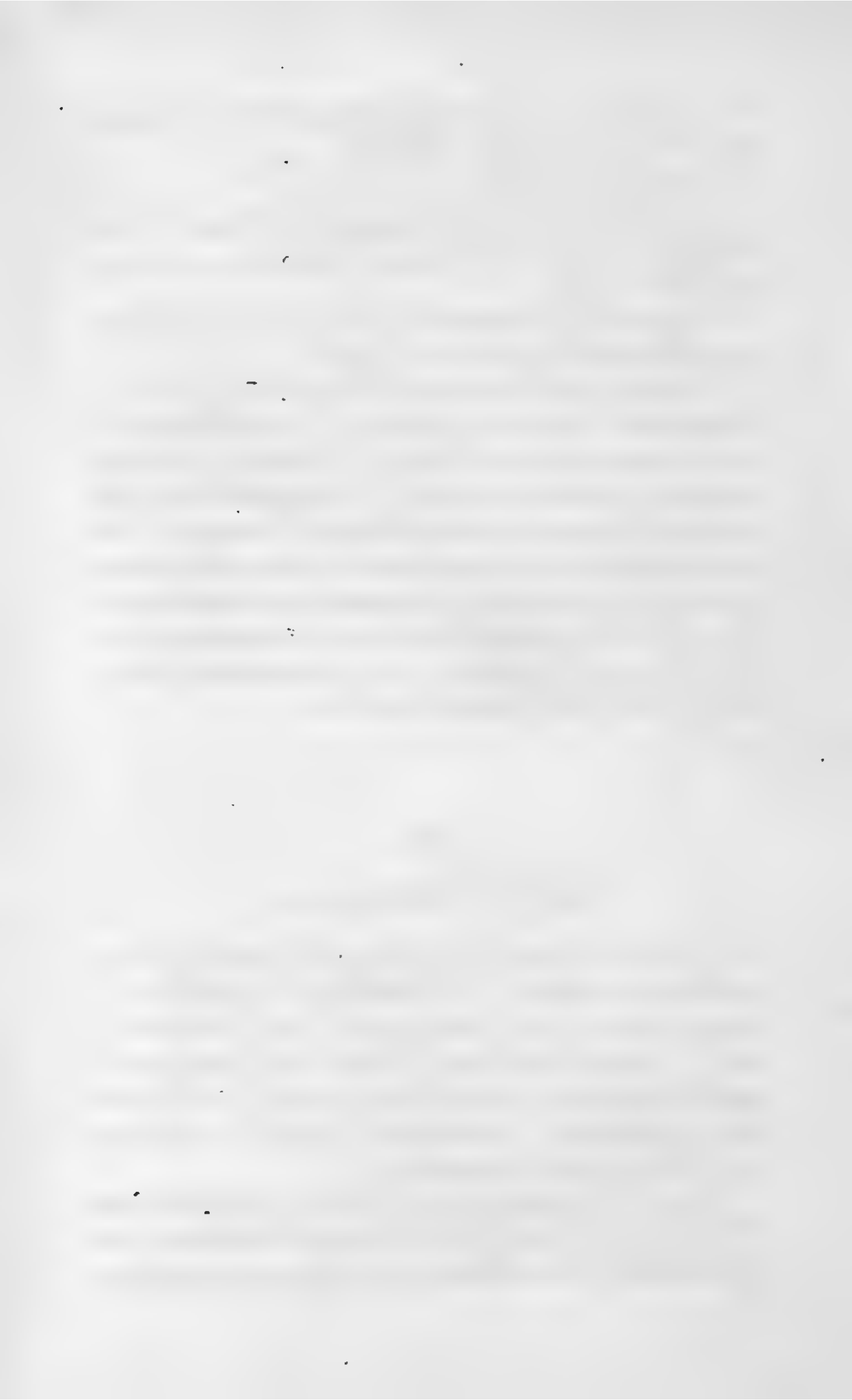
Только теперь становились возможными выходъ и примиреніе. Отпаденіе отъ народа, выработавшее въ себѣ столько любви и силы, чистоты и раскаянія, столько отрицанія самого себя и преданности другому, было дѣйствительно искупленіемъ. Готовность этой кучки аристократовъ и дворянъ не только поступиться неправымъ стяженіемъ, доставшимся по наслѣдству, *se faire roturier de gentilshommes*, какъ выражался графъ Ростопчинъ, но умереть, идти на каторжную работу за это, стираетъ историческій грѣхъ!

VI.

П о т у с т о р о н у .

... Когда въ 1826 г. Якубовичъ увидѣлъ кн. Оболенскаго съ бородой и въ солдатской сермягѣ, онъ не могъ удержаться отъ восклицанія: «Ну, Оболенскій, если я похожъ на Стеньку Разина, то неминуемо ты долженъ быть похожъ на Ваньку Каина!...» Тутъ возшелъ комендантъ; арестантовъ заковали и отправили въ Сибирь на каторжную работу.

Народъ не призналъ этого сходства и густыя толпы его равнодушно смотрѣли въ Нижнемъ-Новгородѣ, когда провозили колодниковъ въ самое время ярмарки.

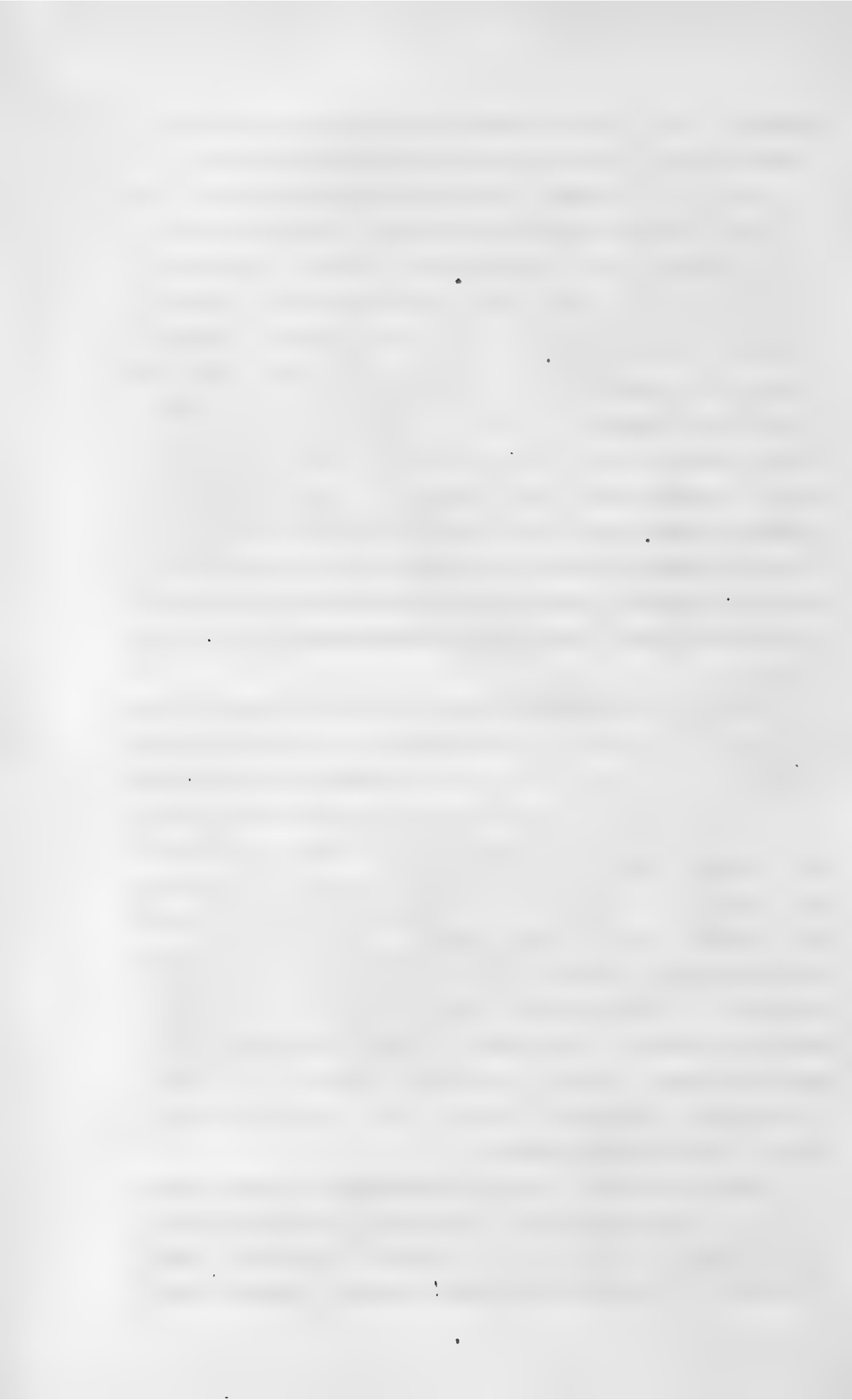

Можетъ, они думали: «наши-то сердечные *писемкомъ* ходятъ туда, а вотъ господъ-то жандармы возятъ!»

Но по ту сторону уральскаго хребта настаетъ печальное равенство передъ каторгой и передъ безвыходнымъ несчастіемъ. Все измѣняется. Мелкій чиновникъ, котораго мы привыкли знать за бездушнаго, грязнаго взяточника, дрожащимъ отъ слезъ голосомъ умоляетъ ссыльныхъ въ Иркутскъ принять отъ него денежное подаяніе; грубые казаки, конвоирующие ихъ, мирволятъ имъ, насколько могутъ, купцы угощаютъ ихъ при проѣздѣ. По ту сторону Байкала нѣсколько изъ нихъ остановились за перевозомъ у Верхне-Удинска, жители провѣдали кого везутъ, какой-то старичекъ тотчасъ посылаетъ имъ, съ внучкомъ, корзину бѣлаго хлѣба и булокъ, и самъ дѣдушка плетется потолковать о забайкальскомъ краѣ, да ихъ пораспросить о бѣломъ свѣтѣ.

Еще въ усольскомъ заводѣ князь Оболенскій пошелъ рано утромъ на назначенное ему мѣсто рубить деревья. Во время его работы показался изъ лѣсу какой-то человѣкъ, посмотрѣлъ на него пристально, привѣтливо и пошелъ своею дорогою. Вечеромъ, идучи домой, Оболенскій его опять встрѣтилъ, онъ дѣлалъ знаки, указывалъ на лѣсъ; ни другое утро онъ вышелъ изъ чащи и указалъ Оболенскому, чтобъ онъ шелъ за нимъ. Оболенскій пошелъ. Заведя его въ чащу, онъ остановился и торжественно сказалъ ему: — «Мы давно знаемъ о вашемъ прибытіи, въ пророчествѣ Іезикиіа сказано о васъ. Мы васъ ожидали, нашихъ здѣсь много, *надѣйтесь на насъ, мы васъ не выдадимъ!*» Это былъ ссыльный духоборецъ.

Давно Оболенскій мучился желаніемъ имѣть вѣсти о своихъ черезъ княгиню Трубецкую, которая пріѣхала въ Иркутскъ. Средства ей доставить письмо не было никакихъ. Оболенскій попросилъ помощи раскольника.

Тотъ не долго думалъ. «Завтра въ сумерки, сказалъ онъ, я буду на такомъ-то мѣстѣ, принесите письмо, оно будетъ доставлено!»... Оболенскій отдалъ ему письмо и онъ въ ту же ночь отправился въ Иркутскъ, черезъ два дня, отвѣтъ былъ у Оболенскаго.

Что было бы еслибъ его поймали?

Свой не считаются...

Раскольникъ заплатилъ со стороны народа за Радичева.

Итакъ, въ лѣсахъ и рудникахъ Сибири, впервые Россія петровская, помѣщичья, чиновническая, офицерская и Русь черная, крестьянская, сельская, обѣ сосланные, скованные, обѣ съ топоромъ за поясомъ, обѣ, опираясь на заступъ и отирая потъ съ лица, взглянули другъ на друга и узнали давно забытые родственныя черты. Пора тому же совершиться бѣлымъ днемъ, громко, открыто, вездѣ.

Пора дворянству, искусственно поднятому нѣмецкими машинами надъ общимъ уровнемъ въ своемъ водоемѣ, слиться съ окружающимъ моремъ. Къ фонтанамъ приглядѣлись, и Самсонъ не удивляетъ своимъ стержнемъ воды изъ львиной челюсти, рядомъ съ безконечностью морской зыби.

Петергофскій праздникъ конченъ, куртажная пьеса въ костюмахъ сыграна, лампы тухнутъ и чадаютъ, водометы едва сочатся,—пойдемте домой!

— «Все это такъ, но... но... не лучше ли народъ поднять?» Можно, только надобно знать, что поднимать на дыбу—одна вѣрная метода и есть, метода преображенскаго застѣника, метода Петра I, Бирона, Аракчеева. Потому-то и императоръ Александръ ничего не сдѣлалъ съ Каразиными и Сперанскими, — а дошедши до Аракчеева, на немъ и остановился.

Народу слишкомъ много, чтобъ его въ самомъ дѣлѣ

можно было поднимать въ 14 классъ ¹⁾ и вообще каждый народъ имѣть сильно опредѣленный фпзіологическій характеръ, который и самыя завоеванія рѣдко измѣняютъ. До тѣхъ поръ, пока мы будемъ принимать

¹⁾ Старовѣры англійскаго толка, обязанные по ученію своему сохранять вѣковыя приобрѣтенія исторической жизни даже и тогда, когда ихъ нѣтъ, или когда они вредны, не согласны съ этимъ. Они думаютъ, что всякія права, благо и злоприобрѣтенныя, надобно беречь и къ нимъ приобщать другихъ. Напр., вмѣсто того, чтобъ у двора отнять право сѣчь и драться съ мужиками, — дать это право мужикамъ. Встарь говаривали, что хорошо бы весь народъ произвести въ 14 классъ, чтобъ его не били; не лучше ли прямо произвести въ гвардію канитаны, или въ потомственное дворянство, благо у насъ потомство считается въ обратную сторону. А вотъ украинцы въ XVI столѣтіи разсуждали не такъ, когда ихъ хотѣли облагородить, да и притомъ не книжныя школяры, а блестящее, пышное, размашистое панство Вольной Рѣчи Посполитой; имъ казалось лучше остаться казаками. Такое же казацкое мнѣніе въ органическомъ развитіи вообще (которое наши доктринеры очень любятъ брать въ примѣръ), одна сторона организма можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ особенно развиться, взять верхъ, всегда въ ущербъ всѣхъ остальныхъ. Самъ по себѣ, органъ этотъ можетъ быть очень развитъ, но въ организмъ составляетъ уродство, котораго никакъ не снимешь, искусственно развивая до неслѣдственности остальные части.

Это приводить намъ на память замѣчательный случай изъ религіозно-хирургической практики принца Гогенлоэ. Принцъ Гогенлоэ былъ одинъ изъ послѣднихъ смертныхъ, одаренныхъ чудотворными силами. Это было въ ту благословенную эпоху нашего вѣка, когда все феодалное, клерикальное, съ пудрой и ладаномъ воскресало на развалинахъ французской революціи. Принцъ былъ призванъ къ больному, у котораго одна нога была короче, родные его не догадавшись, что собственно у него *другая* нога была длиннѣе. Чудотворный князь принялся за свои молитвы... растеть нога; но князь какъ-то не остерегся и очень неуиѣренно помолился, — короткая нога переросла; досада какая, — онъ за другую молиться, и та переросла; — онъ къ прежней... кончилось тѣмъ, что князь оставилъ пациента все таки съ неровными ногами, да къ тому же на живыхъ ходуляхъ.

народъ за глину, а себя за ваятелей и съ нашего *прекраснаго* *высока* лѣпить изъ него статую á l'antique, на французскій ладъ, на манеръ англійскій или на нѣмецкую колодку, мы въ народѣ ничего не встрѣтимъ, кромѣ упорнаго безучастія, или обидно страдательнаго повиновенія.

Педагогическая метода нашихъ цивилизаторовъ скверная. Она идетъ изъ того основанія, что мы все знаемъ, а народъ ничего не знаетъ. Какъ будто мы научили его *праву на землю*, общинному владѣнiю, устройству, артели, мірской сходкѣ?

Само собою разумѣется, мы многое можемъ указать народу, но многому и намъ придется учиться у него, изучать въ немъ. У насъ есть теорiи, усвоенныя нами и представляющія выработанныя слѣдствiя западнаго быта, для того, чтобъ опредѣлить, что и какъ идетъ къ нашему народному быту. Не достаточно подстрочно переводить, мало лексикона, надобно съ нимъ сдѣлать во-первыхъ то, что теоретическое вѣдѣнiе старается сдѣлать на западѣ съ бытомъ европейскихъ народовъ, —привести его къ сознанiю.

Народъ упоренъ въ своемъ бытѣ, онъ ему вѣритъ, но, вѣдь, и мы упорны въ нашихъ теорiяхъ, и мы имъ вѣримъ, да еще думаемъ, что *знаемъ ихъ*, что *такъ дѣло и есть*. Передавая кой-какъ заученное нами изъ книгъ, языкомъ условнымъ, мы съ отчаянiемъ видимъ, что народъ не понимаетъ и сѣтуемъ на глупость народа, точно такъ, какъ школьникъ краснѣетъ за бѣдную родню за то, что она не знаетъ гдѣ писать ъ, никогда не подумавъ, для чего двѣ буквы для одного звука!

Откровенно желая добра народу, мы ищемъ лекарства его болѣзнямъ въ иностранныхъ фармакопeяхъ; тамъ травы иностранныя, но въ книгѣ искать легче, чѣмъ на полѣ. Мы дѣлаемся легко и послѣдовательно

либералами, конституціоналистами, демократами, якобинцами, но не русскими народными людьми. До всѣхъ политическихъ оттѣнковъ этихъ можно дочитать: все это понятно, объяснено, записано, напечатано, переплетено... А тутъ иди цѣликомъ. Русская жизнь стоитъ лѣса, въ которомъ Дантъ заблудился, и дикія *бестіи* такія же есть. даже гаже флорентинскихъ, но нѣтъ *Виргилія*; попались было какіе-то московскіе Сусанины, да и тѣ вмѣсто избы свели на кладбищенскую часовню...

Не зная народа, можно притѣснять народъ, кабалить его, завоевывать, *но освободить нельзя.*

Безъ народа—его не освободить ни царь съ пясарями, ни дворянство съ царемъ, ни дворянство безъ царя.

То, что теперь совершается въ Россіи, слѣшымъ должно открыть глаза. Никогда не признавая законнымъ крѣпостное право, народъ выносилъ страшную тягость его. Видя силу противъ себя, онъ молчалъ. Но какъ только его захотѣли освободить по своему, онъ отъ ропота, отъ страдательнаго противудѣйствія дошелъ почти до открытаго мятежа. А, вѣдь, явнымъ образомъ ему теперь лучше. Какихъ же знаменій еще ждутъ цивилизаторы?

Только тотъ, кто, призванный къ дѣятельности, пойметъ бытъ народа, не утративъ того, что ему дала наука, кто затронетъ его стремленія и на осуществленіи ихъ оснуетъ свое участіе въ общемъ земскомъ дѣлѣ, тотъ только и будетъ *женихомъ грядущимъ.*

Этотъ урокъ равно намъ повторяетъ печальная фигура Александра, съ своей короной; Радищевъ—съ своимъ стаканомъ яда, Карацпъ, пронесшійся горящимъ метеоромъ по Зимнему дворцу, Сперацкій, свѣтившій годы цѣлые луннымъ свѣтомъ безъ теплоты, безъ красокъ, и наши святые мученики 14 декабря.

Кто же будетъ этотъ суженый?

Императоръ ли, который, отрѣкаясь отъ петровщины, совмѣститъ въ себѣ царя и Стевьку Разина? Новый ли Пестель, опять ли Емельяшъ Пугачевъ, казакъ, царь и раскольникъ, или пророкъ и крестьянинъ, какъ Антоній Бездвинскій?

Трудно сказать, это частности, *les details*, какъ говорятъ французы. Кто бъ ни былъ, *наше дѣло идти къ нему на встрѣчу съ хлѣбомъ и солью!*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Донъ Карлосъ	3
Письмо	13
Маркизъ Поза	27
Прародительскій грѣхъ	33
Fagemo da Se	45
По ту сторону	52

—*—

6.04.04.

